

947

Б910

Дунина

Лжеимит.

Эпх

Кт

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗДНЕЕ

обозначенного здесь срока

Зак. 4226.

Утильцех 1-й Образцовой тип. М.

№ 10 / ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА. № 10.

М экз
М 1 $\frac{5}{21}$

Л Ж Е Д И М И Т Р Ы Й.

П. Бунина.

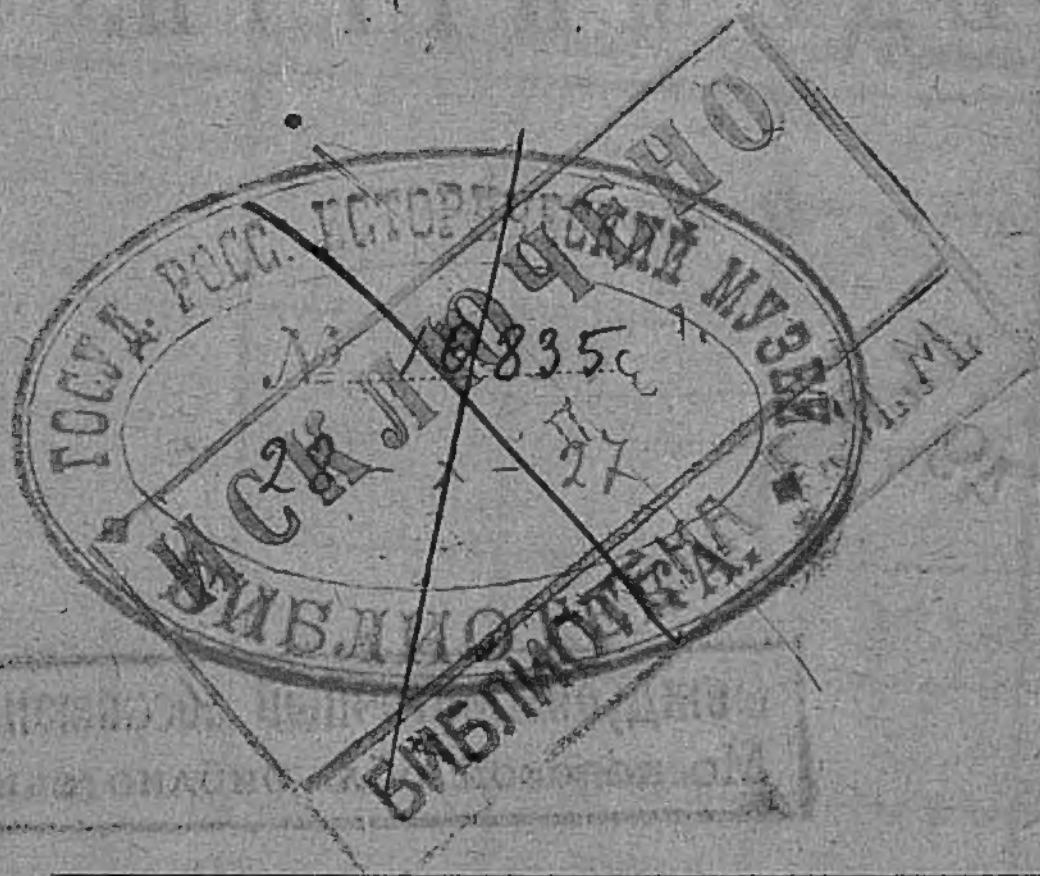
130072
Мф

49 г.

947
Б910

междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

Москва.
Книгоиздательство „Д Ъ Л О“.
1912 г.

ТИПОГРАФІЯ А. Д. ПЛЕЩЕЕВА. МОСКВА, ПОКРОВКА, 43.

ТЕЛЕФОНЪ № 252-95.

Смѣръ царевича Димитрія.

Было свѣтлое майское утро. Небольшой городокъ Угличъ, въ которомъ жилъ царевичъ Димитрій съ матерью, давно проснулся: кто ушелъ на работу, а кто вернулся отъ обѣдни. На дворѣ было тепло, хорошо: зеленѣла трава, перекликались пѣтухи. Царица Марья только-что отпустила своего сына Димитрія съ мамкой гулять на княжій дворъ: царевичъ пришелъ отъ обѣдни и теперь ему можно порѣзвиться.

Сама царица осталась въ горницахъ и сѣла за работу. Тяжело было что-то у ней на душѣ, тревожно. Давно уже она беспокоилась за сына, но это беспокойство еще больше усилилось съ того времени, какъ они пріѣхали въ Угличъ. Слухи стали ходить такіе зловѣщіе: говорили, что Годуновъ хочетъ погубить мальчика. И царица Марья принимала всякія предосторожности, чтобы уберечь царевича.

— Люди, кажется, кругомъ вѣрные, не продадутъ,—думала она.—Вотъ развѣ мамка Василиса! Не лежитъ къ ней мое сердце.

Вдругъ крики, забили въ набатъ. Протяжные зловѣщіе удары колокола неслись надъ Угличемъ, внушая тревогу и заставляя тоскливо сжиматься сердце.

Скоро весь Угличъ былъ на ногахъ, всѣ бѣжали къ дворцу.

— Что это, пожаръ?..

Но никто ничего не зналъ.

Съ первыми же ударами набата, царица Марья

бросилась на дворъ.

— Убили!—пронеслось у ней въ головѣ.

— Что, что случилось?—тревожно спрашивала она у бѣжавшихъ навстрѣчу людей. Но всѣ въ испугѣ молчали.

На дворѣ ей представилась ужасная картина: царевичъ лежалъ съ перерѣзаннымъ горломъ—онъ былъ уже мертвъ. Царица Марья бросилась къ сыну, билась около него головой и безумно рыдала.

Прибѣжали ея братья, князья Нагіе, кругомъ собралась толпа народа. Страшное возмущеніе охватило всѣхъ.

— Кто убійцы?—спрашивали Нагіе у окружающихъ.

Толпа глухо волновалась.

Въ это время, какъ бы опомнившись, царица Марья увидала мамку Василису, стоявшую поодаль.

— Ты, ты виновата!—закричала она на нее и бросила валявшимся недалеко полѣномъ.

— Въ тюрьму ее, она намъ скажетъ, кто убилъ!—кричали братья Нагіе.

Василису схватили и увели въ тюрьму.

Въ это время отъ кого-то узнали, что царевича убили сынъ Василисы Волоховъ, Качаловъ и Битяговскій.

— Найти ихъ, притащить сюда!—ревѣла толпа.

Бросились ихъ искать и скоро притащили на княжескій дворъ.

А царица рыдала надъ трупомъ, рвала на себѣ волосы и кричала:

— Православные, неужели нѣтъ суда надъ убійцами!

Волоховъ съ товарищами что-то кричалъ, въ чемъ-то оправдывался, крестился, но толпа ихъ не слушала. Кто-то ударилъ Волохова по лицу. Брызнула кровь, и толпа опьянѣла. Всѣ давя другъ друга бросились на приведенныхъ. Кто билъ кулаками, кто палкой, кто чѣмъ попало. Черезъ нѣсколько минутъ отъ живыхъ людей осталась только безформенная куча мяса.

Когда кончили свое кровавое дѣло и бить было болѣе уже некого, то молча стали быстро расходиться. Каждый старался поскорѣе уйти отъ ужаснаго мѣста и думалъ съ тревогой:

— Что-то будетъ?..

Всѣ дни послѣ этого городъ Угличъ находился въ глубокомъ страхѣ:

— Чѣмъ отвѣтитъ Борисъ на кровавую расправу?

Скоро пріѣхала изъ Москвы слѣдственная коммиссія для выясненія виновниковъ происшедшаго. Во главѣ ея стояли Василій Шуйскій и Андрей Клешнинъ. Для преданія работамъ коммисіи авторитета въ глазахъ народа, третьимъ членомъ былъ назначенъ митрополитъ Гелласій.

— Плохо наше дѣло,—говорилъ князь Михаилъ Нагой своей сестрѣ, царицѣ Марьѣ, когда узналъ, кто пріѣхалъ производить слѣдствіе.— Вѣдь Василій Шуйскій вертитъ хвостомъ передъ Борисомъ. Для достиженія своихъ цѣлей отца съ матерью продастъ. Посмотри на его красные

хитрые глаза, прямо скажешь: воръ! А другой Блешняиъ—преданъ Годунову, какъ собака.

— А митрополитъ-то, онъ не допустить, — сказала перѣшительно Марья.

— Митрополитъ! — воскликнулъ Михайлъ и въ раздраженіи махнулъ рукой. — Тряпка Самъ, можетъ быть, не будетъ дѣлать, но прикроетъ всѣхъ.

— Вотъ увидишь, что они тутъ надѣлаютъ! — прибавилъ онъ, помолчавъ.

Пріѣхавшая слѣдственная комиссія немедленно приступила къ дѣлу. Марью Нагую допрашивать не стали, ибо ея санъ царицы не допускалъ этого. Но братьевъ Нагихъ, въ особенности князя Михаила допросили первыми.

Князь заявилъ прямо, что царевичъ убить, и что убійцами являются Волоховъ, Качаловъ и Битяговскій.

— Это было 15 мая, въ субботу, — рассказывалъ онъ. — Я былъ дома. Вдругъ, слышу набатъ. Думаю, не пожаръ ли. Выбѣжалъ на дворъ, вижу народъ, плачущую царицу Марью. На землѣ лежитъ съ перерѣзаннымъ горломъ царевичъ. Скоро притащили убійцъ и тутъ же произвели надъ ними самосудъ.

— А не ты-ли, князь, самъ подстрекалъ толпу расправиться съ подозрѣваемыми людьми?

Но князь энергично сталъ протестовать противъ этого. Онъ никого не подговаривалъ къ самосуду, защитить же избиваемыхъ не могъ, потому что, какъ справишься съ озвѣрѣвшей толпой?

Показаніе князя Михаила не понравилось

комиссіи: оно устанавливало фактъ убійства царевича и, слѣдовательно, не устраняло подозрѣній противъ Годунова. Но скоро показаніе мамы Василисы Волоховой вывело комиссію изъ труднаго положенія.

Василиса Волохова оказалась женщиной энергичной, смѣлой, острой на языкъ. Она сразу придала дѣлу наиболѣе желательный видъ. По ея словамъ, царевичъ страдалъ припадками. Еще не такъ давно онъ въ припадкѣ искусалъ руки дочери Андрея Нагого. А еще раньше сильно поранилъ гвоздемъ руку царицы Марьи. 15 мая царевичъ подъ ея наблюденіемъ игралъ на дворѣ съ мальчиками въ тычки. Онъ взялъ свой ножъ и хотѣлъ его бросить, какъ вдругъ въ это время съ нимъ случился припадокъ. Царевичъ упалъ и горломъ накололся на ножъ. Когда къ нему она подбѣжала, онъ былъ уже мертвъ. Прибѣжала царица Марья и съ яростію бросилась на Василису и стала бить ее по поясницѣ полѣномъ, потомъ велѣла отправить въ тюрьму. Когда Василису схватили, то она слышала, какъ царица Марья и братъ ея Михаилъ требовали отъ толпы казни ни въ чемъ неповинныхъ людей. Подъ вліяніемъ ихъ словъ толпа набросилась на ея сына, на Качалова и Битяговскаго и ихъ растерзала.

Въ разсказѣ Василисы было много страннаго: она разсказывала такія подробности, которыхъ видѣть въ суматохѣ не могла. Но она была, во-первыхъ, очевидицей, во-вторыхъ, ея раз-

сказъ былъ наиболѣе удобенъ для Годунова.

Царевичъ самъ закололся, а слѣдовательно, некого обвинять въ убійствѣ. Разсказъ мамки былъ положенъ въ основу слѣдствія, тѣмъ болѣе, что допрошенные дѣти, игрившія съ царевичемъ, слово въ слово, какъ заученный урокъ, повторили показаніе Василисы.

Собравъ еще кое-какія показанія, слѣдователи поспѣшно уѣхали въ Москву. Здѣсь весь слѣдственный матеріалъ былъ представленъ царю Ѳеодору. Матеріалъ сопровождался докладомъ, въ которомъ комиссія доказывала, что царевичъ не убитъ, а самъ погибъ въ припадкѣ падучей болѣзни, наткнувшись горломъ на ножъ. Что касается распространенія слуховъ объ убійствѣ царевича (и происшедшей затѣмъ жестокой расправѣ), то въ этомъ виновными являются царица Марія и ея братья, вмѣстѣ со всеми угличанами, они же являются виновниками и жестокой расправы надъ невинными людьми.

Ѳеодоръ весь слѣдственный матеріалъ передалъ патріарху Іову и всему собору.

Въ торжественномъ засѣданіи въ присутствіи высшаго духовенства и бояръ слѣдственный матеріалъ былъ просмотрѣнъ и признанъ достаточно полнымъ. Затѣмъ патріархъ Іовъ обратился съ рѣчью къ собравшимся, въ которой и высказалъ свою точку зрѣнія на дѣло. По его мнѣнію, слѣдствіемъ вполне установлено, что царевичъ палъ жертвой несчастнаго случая, а злонамѣренные люди распространили слухи

объ его убійствѣ. Эти же злонамѣренные люди повинны и въ смерти ни въ чемъ неповинныхъ людей. Виновные должны быть жестоко наказаны, имъ не должно быть пощады. Съ точки зрѣнія партіарха, незачѣмъ разбираться въ виновности каждаго—всѣ угличане должны были понести наказаніе. Таково мнѣніе патріарха. Но онъ полагаетъ, что настоящее дѣло свѣтское и здѣсь нечего дѣлать духовной власти. Пусть свѣтская власть обнажить свой мечъ.

Съ патріархомъ Іовомъ согласились всѣ, и дѣло перешло къ свѣтской власти. Такимъ образомъ, участь обвиняемыхъ всецѣло зависѣла отъ воли Годунова, ибо онъ одинъ вмѣщаль въ себѣ свѣтскую власть. Получивъ благословеніе услужливаго патріарха на самую ужасную расправу, онъ постановилъ приговоръ, поразившій всѣхъ своей жестокостью. Царица Марія была пострижена въ монастырь. Трое братьевъ ея, несмотря на то, что ихъ участіе въ дѣлѣ было различно, сосланы въ далекую ссылку. Но самыя жестокія наказанія пали на головы угличанъ: двѣсти человѣкъ были казнены, многимъ отрѣзали языки, большинство было сослано въ Сибирь, гдѣ они и поселились въ Пелыми. Даже колоколъ, возвѣстившій жителямъ Углича вѣсть объ убійствѣ царевича, былъ наказанъ: его сослали въ далекій Тобольскъ.

Плачь и стонъ раздавался въ опустѣвшемъ Угличѣ, и не одно проклятіе вырвалось по адресу Бориса изъ устъ оставшихся въ живыхъ жертвъ жестокой расправы.

Тайнственный монахъ.

— Слышали ли вы,—спросилъ польскій король Сягизмундъ папскаго нунція Рангони. когда они остались вдвоемъ,—о появленіи въ Подольѣ какого то тайнственнаго монаха, который называетъ себя Московскимъ царевичемъ Димитріемъ?

— Нѣтъ, ничего не слыхалъ, Ваше Величество,—отвѣтилъ нунцій,—да и какъ же это можетъ быть, когда Димитрій погибъ, наколовшись въ припадкѣ надучей на ножъ?

— Да, я тоже такъ думаю. Но я получилъ подробное донесеніе отъ Адама Вишневецкаго, въ которомъ онъ сообщаетъ, что у него находится подъ видомъ монаха дѣйствительно Димитрій, которому удалось спастись. Вишневецкій, очевидно, со словъ этого монаха, сообщаетъ и всю исторію его бѣгства.

— О, это интересно,—замѣтилъ Рангони.—Но какъ же это могло случиться?

— По сообщенію Вишневецкаго дѣло было такъ. Борисъ Годуновъ замыслилъ убить царевича, чтобы получить доступъ, послѣ смерти царя Федора, къ престолу. Хотѣли отравить его, но это было сдѣлать очень трудно, такъ какъ царевичъ былъ окруженъ вѣрными людьми. Тогда эти люди были отравлены какимъ то тонкодѣйствующимъ ядомъ, и на мѣсто ихъ были назначены ставленники Годунова. Но, хранителемъ царевича остался его воспитатель. Онъ прекрасно понималъ, чего хочетъ Годуновъ и

всѣ усилія употреблялъ, чтобы убересть царевича. Тогда Годуновъ рѣшилъ покончить съ царевичемъ съ помощью наемныхъ убійцъ. Эти убійцы должны были ночью пробраться въ спальню царевича и убить его. Воспитателю удалось во-время узнать объ этомъ планѣ заговорщиковъ, и Дмитрія перевели въ другую комнату, а на его постель положили одного изъ его „двоюродныхъ братьевъ“ на него похожаго. Заговорщики ночью, дѣйствительно, вошли въ спальню Дмитрія и, не подозрѣвая, что передъ ними не Дмитрій, а другой ребенокъ, убили его. Произошелъ страшный переполохъ, всѣ бѣжали и въ суетѣ не обратили вниманія на подмѣну. Даже прибѣжавшая мать царевича въ слезахъ не разглядѣла, что передъ ней не сынъ. Она горько причитала надъ убитымъ ребенкомъ.

Ударили въ набатъ, собрался народъ. Онъ требуетъ казни убійцъ. Въ страшномъ возбужденіи народъ убиваетъ съ убійцами до тринадцати дѣтей, почему и осталось незамѣченнымъ отсутствіе „двоюроднаго брата“.

— Это невѣроятно, Ваше Величество! — воскликнулъ нунцій.

— Дальше еще невѣроятнѣе, отвѣтилъ король. Слушайте. Воспитатель Дмитрія увезъ будто бы его въ надежное мѣсто. Здѣсь царевичъ жилъ долгое время въ полной безопасности, пока не умеръ его воспитатель.

Передъ смертью воспитатель передалъ Дмитрія одному вѣрному человѣку, раскрывъ ему, кто

онъ. Этотъ неизвѣстный человѣкъ, также оберегалъ царевича, какъ и воспитатель, но онъ умеръ и передъ смертью посовѣтовалъ ему скрываться въ монастыряхъ. Димитрій, дѣйствительно, будто бы надѣваетъ монашескую рясу и скитается по монастырямъ. Но скоро одинъ монахъ узналъ Димитрія по лицу и по походкѣ, и царевичу пришлось бѣжать въ Польшу, гдѣ онъ и жилъ, скрывая тайну своего происхожденія. Между прочимъ, онъ жилъ у Адама Вишневецкаго, которому въ порывѣ откровенности и рассказалъ кто онъ. Теперь онъ задумалъ добывать себѣ прародительскій престолъ.

— Все это странно и невѣроятно, — сказалъ въ раздумьи нунцій Рангони.

— Да, я тоже этому не совсѣмъ довѣряю. Посмотримъ, — сказалъ король...

Въ большомъ волненіи нунцій возвратился домой: сообщенное королемъ его сильно заинтересовало, и онъ поспѣшилъ собрать всѣ свѣдѣнія, которыя онъ могъ только получить о появившемся Димитріи. Кромѣ того, что рассказалъ ему король, онъ узналъ еще слѣдующее:

Димитрій впервые появился въ г. Кіевѣ въ 1601 году. Тамъ его видѣли въ грубой монашеской рясѣ бродящаго по различнымъ монастырямъ. Рассказываютъ, что сначала онъ хотѣлъ заручиться покровительствомъ кіевского воеводы князя Константина Острожскаго. Князь Острожскій занималъ особое положеніе въ Юго-западномъ краѣ. Хотя онъ былъ чело вѣкъ свѣтскій,

но это былъ настоящій патріархъ югозападнаго православія. Онъ велъ самую упорную борьбу съ католизмомъ и съ величайшей энергіей насаждалъ православіе. Понятно, что всѣ православные люди находили въ немъ покровителя и защитника. Къ нему то и направился сначала Димитрій. Но здѣсь онъ потерпѣлъ неудачу. Самъ Димитрій отрицаетъ то, что онъ говорилъ съ княземъ Острожскимъ о своихъ планахъ, но нѣкоторые утверждаютъ, что Димитрій сдѣлалъ попытку склонить князя на свою сторону, но князь его выгналъ изъ дому, а нѣкоторые рассказываютъ даже, что одинъ изъ слугъ Острожскаго позволилъ себѣ грубое насиліе надъ смѣлымъ просителемъ.

Неудача, однако, не смутила предпримчиваго монаха; онъ изъ г. Острога отправился въ г. Гощу. О занятіяхъ его въ Гощѣ рассказываютъ различно. Одни говорятъ, что онъ былъ преподавателемъ русскаго языка, другіе утверждаютъ, что онъ прибылъ туда, чтобы самому понаучиться чему нибудь. Но есть данныя, которыя позволяютъ утверждать, что Димитрій занимался болѣе скромнымъ дѣломъ: онъ служилъ на кухнѣ у нѣкоего Хойскаго.

Такъ влачилъ онъ свои дни въ неизвѣстности, пока ему не улыбнулось, наконецъ, счастье: судьба столкнула его съ княземъ Вишневецкимъ, въ которомъ онъ и нашелъ ревностнаго покровителя.

Вотъ тѣ данныя, которыя собралъ нунцій

Донгоши относительно появленія человека, называющаго себя Димитріемъ. Обо всемъ, что ему стало извѣстно, онъ сдѣлалъ подробный докладъ папѣ.

Между тѣмъ бывшій монахъ Димитрій, о которомъ шла бесѣда у короля съ нунціемъ, прекрасно устроился у Вишневецкаго. Теперь въ немъ было трудно узнать бывшаго монаха. Монашеская одежда сброшена, забыты молитвы: Димитрій замышляетъ походъ на Москву. Онъ разсылаетъ гонцовъ къ донскимъ казакамъ, къ татарамъ. О немъ говорятъ въ польскомъ обществѣ; около его имени складывается легенда.

Трудно сказать, вѣрилъ ли самъ Вишневецкій въ то, что поселившійся у него монахъ, царевичъ. Во всякомъ случаѣ, у него было основаніе къ тому, чтобы поддержать эту вѣру въ другихъ. Владѣнія Вишневецкаго граничили съ московскими, и у него съ Москвой были постоянныя недоразумѣнія изъ за земли, доходившія иногда до кровавыхъ столкновеній. Какъ разъ передъ появленіемъ Димитрія, московскія войска отняли у него значительный кусокъ земли, и онъ искалъ случая отплатить обидчикамъ. Димитрій, какъ разъ, давалъ этотъ случай.

Скоро произошло одно ссбытіе, которое должно было окончательно убѣдить въ правильности домогательствъ Димитрія даже и тѣхъ, кто въ этомъ еще упорно сомнѣвался. Король не удовлетворился донесеніемъ Вишневецкаго, ему хотѣлось получить болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о Димитріи. Чтобы добыть эти свѣдѣнія,

онъ обратился къ пану Сапегѣ. Въ свитѣ этого вельможи оказался одинъ житель Ливоніи, который хорошо зналъ въ лицо царевича Димитрія. Когда Димитрій жилъ въ Москвѣ, то этотъ ливонецъ состоялъ при немъ. Сапега и рѣшилъ отправить его къ Димитрію, выяснить, настоящій это Димитрій или нѣтъ.

Для Димитрія предстояло тяжкое испытаніе: всѣ планы его могли быть разрушены. Незвѣстно, былъ ли объ этомъ предупрежденъ Димитрій и состоялась ли у него съ ливонцемъ какая нибудь сдѣлка, но только произошло нѣчто неожиданное. Димитрій не только не испугался предстоящаго испытанія, но при встрѣчѣ самъ первый узналъ своего бывшего слугу и сталъ ему напоминать нѣкоторые эпизоды изъ ихъ прежней жизни. Въ концѣ-концовъ ливонецъ торжественно провозгласилъ, что передъ нимъ дѣйствительно царевичъ. При этомъ, онъ указалъ и нѣкоторые внѣшніе признаки, доказывающіе сходство. Такъ онъ указалъ на бородавку на лицѣ, которая будто бы была у царевича, и на неодинаковую длину рукъ.

Послѣ такого компетентнаго заявленія для многихъ стало казаться, что тождество между Димитріемъ и царевичемъ вполне доказано.

Теперь для Димитрія необходимо было болѣе широко развернуть свою дѣятельность. Онъ скоро понялъ, что безъ коляковъ ему трудно достигнуть цѣли и, чтобы завязать связи съ болѣе вліятельными людьми, онъ отправился въ г. Самборъ.

Въ большомъ волненіи подѣзжалъ Димитрій къ Самбору. Видъ древней крѣпости, за стѣнами которой высился старый замокъ съ королевскими апартаментами, дремучіе лѣса кругомъ— все внушало ему какую то тревогу.

— Какъ-то приметъ его Сандомирскій воевода Юрій Мнишекъ?

Правда, къ его посѣщенію Мнишекъ былъ уже подготовленъ, но все же предстоящая встрѣча смущала Димитрія.

Воевода Мнишекъ былъ однимъ изъ видныхъ людей Польши.

Онъ пользовался благоволеніемъ короля и могъ быть очень полезенъ для Димитрія. Кромѣ того въ домѣ Мнишекъ бывала вся польская знать, и приемы его отличались пышностью. Правда, самъ Мнишекъ не прочь былъ бы жить и болѣе скромно; ибо средствъ Сандомирскаго воеводы далеко не хватало для той широкой жизни, которую онъ велъ.

Но его общественное положеніе обязывало его къ этому.

Въ настоящее время онъ сильно нуждался въ деньгахъ.

Несмотря на желаніе быть аккуратнымъ, онъ постоянно задерживалъ платежи и никакъ не могъ во-время внести деньги, принадлежащія королю. 1603 годъ былъ для Юрія Мнишка особенно тяжелъ. Недоимки превзошли всякую мѣру, король, наконецъ, потерялъ терпѣніе и послалъ чиновниковъ наложить арестъ на иму-

щество Мнишка. Сандомирскому воеводѣ только съ большимъ трудомъ удалось спастись отъ грозившаго ему раззоренія. Участіе въ дѣлѣ Димитрія открывало ему возможность устроить свои дѣла, и онъ съ распростертыми объятіями встрѣтилъ будущаго Московскаго Царя.

Димитрій напрасно волновался. Въ домѣ Мнишка ему были оказаны царскія почести. Всѣ наперерывъ спѣшили оказать ему свое вниманіе. Димитрій понялъ это и поспѣшилъ использовать свое положеніе. Трудно было бы узнать теперь въ Димитріи прежняго скромнаго монаха, въ потертой рясѣ, съ задняго крыльца пробиравшагося искать покровительства. Передъ нами чело-вѣкъ сознающій свое царское достоинство. Онъ держитъ себя среди польской знати свободно. Рѣчь его смѣла и увлекательна.

Атмосфера дома Сандомирскаго воеводы сразу оказала на Димитрія свое вліяніе. Оживленіе, богатство, блескъ окружающаго общества, красота и изящество польскихъ женщинъ—все это вскружило голову увлекающемуся и страстному Димитрію. Какая разница въ сравненіи съ неуклюжими и необразованными русскими женщинами! Его вниманіе невольно остановилось на одной изъ дочерей Мнишекъ, на Маринѣ. Гдѣ бы онъ ни былъ, вездѣ его преслѣдовали ея прекрасные глаза. Это была тихая и скромная на видъ дѣвушка. Она совершенно еще не знала жизни. Любимымъ ея занятіемъ было ходить въ монастырь, молиться Богу и бесѣдовать съ монахами. Но,

однако, въ ея душѣ таились глубокія страсти. Черезъ нѣсколько дней пребыванія въ домѣ Мнишекъ, Димитрій былъ уже бузумно влюбленъ въ Марину. Онъ вездѣ преслѣдовалъ ее. Съ своей стороны и Марина не отвергала его любви. Самъ Мнишекъ зналъ обо всемъ и былъ радъ, что его планы осуществляются. Тѣмъ не менѣе, когда Димитрій сталъ у него просить руки его дочери, то Мнишекъ сдѣлалъ видъ глубоко удивленнаго человѣка и отложилъ свой отвѣтъ. На это у него были свои причины: онъ рѣшилъ подождать до того момента, когда Димитрій будетъ въ Краковѣ принять королемъ. Въ зависимости отъ результатовъ этой аудіенціи онъ рѣшилъ дѣйствовать и самъ.

Въ связи съ предложеніемъ, сдѣланнымъ Димитріемъ Маринѣ, возникъ вопросъ о его вѣроисповѣданіи. Для Димитрія было совершенно ясно, что Мнишекъ не выдастъ дочь за православнаго. Но Димитрія не смущало это обстоятельство: онъ готовъ былъ отречься отъ своей вѣры и перейти въ католичество, тѣмъ болѣе, что при такихъ условіяхъ онъ думалъ скорѣе добиться помощи у поляковъ:

Общественное мнѣніе Польши было сильно взволновано дѣятельностью Димитрія. Это волненіе усилилось, когда Димитрій прибылъ въ Краковъ. Лучшіе люди протестовали противъ авантюры Димитрія, они предвидѣли, возможность войны съ Москвой и всякихъ вызванныхъ ею осложненій, и потому предостерегали противъ того, чтобы вла-

сти оказывали покровительство этому сомнительному претенденту на Московскій престолъ. Но были у Дмитрія и рьяные защитники; они надѣялись ловить рыбу въ мутной водѣ, а потому всачески покровительствовали протескамъ Дмитрія.

Въ особенности много сторонниковъ Дмитрія было въ Краковѣ. Почувствовавъ, что насталъ благоприятный моментъ дѣйствовать, Мпишекъ съ Дмитріемъ прибыли въ Краковъ. Около 13 марта Савдомырскій воевода устраиваетъ парадный банкетъ. На этотъ банкетъ была приглашена вся знать. Здѣсь были многіе сенаторы и даже папскій нунцій Рангони. Конечно, центромъ вниманія собравшагося общества былъ Дмитрій. Онъ прекрасно понималъ это, но намѣренно не заявлялъ о своемъ царскомъ достоинствѣ, старался быть проще и внимательнѣе со всѣми. Своимъ умѣньемъ держать себя, способностью красиво и увлекательно развивать свои мысли, онъ скоро очаровалъ своихъ собесѣдниковъ. Нунцій Рангони былъ въ одномъ залѣ съ Дмитріемъ, хотя сидѣлъ за другимъ столомъ и могъ такимъ образомъ незамѣтно наблюдать за героемъ дня. Вотъ каковы впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ наблюденій надъ Дмитріемъ: „Дмитрій, пишетъ онъ, имѣетъ видъ хорошо воспитаннаго молодого человѣка; онъ смуглъ лицомъ и очень большое пятно замѣтно у него на носу вровень съ правымъ глазомъ, его тонкія и бѣлыя руки указываютъ на благородство его происхожденія; его разговоръ смѣлъ; въ его походкѣ и манерахъ есть дѣйствительно нѣчто

величественное.“ Впослѣдствіи нунцій ближе познакомился съ Димитріемъ и въ своихъ замѣткахъ онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ Димитрія: „Димитрію на видъ около двадцати четырехъ лѣтъ. Онъ безбородъ, обладаетъ чрезвычайно живымъ умомъ, очень краснорѣчивъ, у него сдержанныя манеры, онъ склоненъ къ изученію литературы, необыкновенно скромный и скрытенъ“.

Димитрій былъ продемонстрированъ передъ краковскимъ обществомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ этого банкета симпатіи къ нему усилились.

Вскорѣ, а именно 15 марта, король пригласилъ Димитрія на частную аудіенцію. Мечта Димитрія была достигнута: передъ нимъ онъ развернетъ планъ своихъ дѣйствій и, конечно, въ немъ найдетъ поддержку. Долго Димитрій совѣтовался со своими друзьями о предстоящей аудіенціи и получилъ много полезныхъ указаній. Заранѣе онъ приготовилъ рѣчь, которую намѣренъ былъ сказать королю.

Король встрѣтилъ Димитрія очень ласково. Будущій царь Московскій обратился къ нему съ довольно витіеватой рѣчью.

Для начала онъ воспользовался легендой Геродота о томъ, какъ нѣмой сынъ лидійскаго царя Креза при видѣ воина, готоваго убить его отца, страшнымъ напряженіемъ воли заставилъ себя сказать: „Воинъ не убивай лидійскаго царя!“ Царевичъ сравнивалъ себя съ сыномъ Креза. Онъ также долго молчалъ. Но передъ нимъ

страдающая подъ тираніей Годунова страна, поруганный тронъ, и къ нему, Димитрію, возвращается голосъ, чтобы просить польскаго короля о помощи. Но Димитрій прекрасно понималъ, что одними громкими словами не поразишь короля, поэтому онъ ясно намекнулъ, что, въ случаѣ его поддержки, явятся несомнѣныя выгоды и для Польши и для всего христіанскаго міра, т. е. и для папы и католичества.

Правда, въ своемъ отвѣтѣ отъ имени короля вице-канцлеръ Тылицкій не далъ Димитрію никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній, но, безъ сомнѣнія, заявленія Димитрія были приняты къ свѣдѣнію. Послѣ аудіенціи „царевичъ“ былъ награжденъ подарками въ видѣ драгоцѣнныхъ тканей и звонкой монеты. Онъ получилъ золотую цѣпь съ портретомъ короля, ему было назначено содержаніе въ четыре тысячи флориновъ изъ Самборской казны.

Скоро, однако, путемъ тайныхъ сношеній между Димитріемъ и королемъ былъ установленъ довольно своеобразный договоръ. По этому договору Димитрій, немедленно по утвержденіи своемъ на престолѣ, долженъ былъ доставить польскому королю средства для борьбы со Швеціей. Въ крайнемъ же случаѣ, даже самъ долженъ былъ во главѣ войска итти на Стокгольмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Димитрій обѣщалъ вернуть Литвѣ Сѣверныя ея владѣнія. Такимъ образомъ, по этому договору Польша прибрѣтала безъ

всякихъ успѣй и затратъ громаднѣйшій клочекъ земли. А что же было обѣщано за это Димитрію? Очень мало: ему была гарантирована свобода дѣйствій, предоставлено право безпрепятственно набирать польскихъ добровольцевъ, — вотъ и все!

Но Димитрій былъ доволенъ и этимъ!..

Теперь оставалось еще уладить вопросъ религіозный. Для Димитрія было совершенно ясно, что отъ него ждутъ соотвѣтствующихъ шаговъ. Онъ хорошо понималъ, что переходъ въ католичество не только даетъ ему обладаніе Марьиной, но и несетъ съ собою сочувствіе папы и всего польскаго общества. Димитрій не долго колебался: что онъ оставлялъ? Все его религіозное прошлое воплощалось въ сѣрой, тяжелой жизни тѣхъ монастырей, въ которыхъ ему приходилось жить.

Воображеніе рисовало ему тяжелую картину... При первыхъ же попыткахъ склонить его къ католичеству, онъ охотно пошелъ навстрѣчу. Иногда это онъ дѣлалъ слишкомъ демонстративно, такъ, что новымъ его духовнымъ руководителямъ приходилось даже умирать его пылъ. Такъ, онъ хотѣлъ въ качествѣ простаго паломника итти пѣшкомъ въ Ченстохово на поклоненіе знаменитѣйшей польской святыни. Съ трудомъ удалось уговорить его отъ этого. Пока онъ занимался тѣмъ, что посѣщалъ католическіе монастыри. Въ особенности часто бывалъ у бернардинцевъ. Одна изъ ораторій, на

которой онъ присутствовалъ, произвела на него потрясающее впечатлѣніе. Когда Димитрій вошелъ туда, то молящіеся предавались бичеванію. При глубокомъ молчаніи громадной толпы народа, на кафедре вошелъ одинъ изъ монаховъ и произнесъ пламенную проповѣдь. По его знаку погасили огни, и глазамъ Димитрія представилось необыкновенное зрѣлище. Присутствующіе обнажили плечи, достали бичи и подъ пѣніе *Miserere* начали себя хлестать бичами. Димитрій видѣлъ, какъ нѣсколько десятковъ людей съ искаженными лицами нещадно били себя, взывая къ Богу. Вдругъ послышался радостный гимнъ, зажегся свѣтъ и двинулась процессія со святыми дарами. Димитрій былъ потрясенъ видѣннымъ и часто въ послѣдствіи рассказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

Настала Страстная недѣля. По обычаю „братіи милосердія“ въ черныхъ ризахъ, закрывъ лицо капюшономъ, какъ таинственные призраки, бродили по улицамъ, заходили изъ дома въ домъ и собирали милостыню для бѣдныхъ. Члены этого общества, основаннаго Петромъ Скаргою, принадлежали къ высшему обществу. Въ числѣ членовъ былъ и Мишекъ. Мишекъ предложилъ и Димитрію ходить съ нимъ вмѣстѣ и собирать милостыню. 17 апрѣля эта мыла приведена въ исполненіе. Въ черныхъ рясахъ, неузнаваемые никѣмъ, они бродили по улицамъ, заходили въ богатые дома, и даже въ королевскій замокъ. Затѣмъ добрались до храма

св. Варвары и отправились къ о. Савицкому, который не разъ уже бывалъ у Димитрія и наставлялъ его въ новой вѣрѣ. Его Димитрій избралъ себѣ въ духовники. Должна была произойти исповѣдь.

Мнишекъ удалился на хоры храма и оставилъ Димитрія съ о. Савицкимъ одного. Наступалъ роковой моментъ. Димитрій сильно волновался. Когда онъ сказалъ, что готовъ къ исповѣди, то его духовникъ прежде всего указалъ ему на необходимость откровенныхъ и правдивыхъ отвѣтовъ и что только при соблюденіи этихъ условій возможно рассчитывать на помощь Промысла. Димитрій понялъ, что его духовникъ имѣетъ въ виду его происхожденіе и искренность его перехода въ католичество. Онъ былъ ошеломленъ неожиданностью вопроса и смутился. Жутко ему какъ то было въ этомъ темномъ храмѣ передъ этимъ допрашивающимъ его старцемъ.

Но скоро онъ оправился.

— Клянусь передъ Богомъ, сказалъ онъ, что все, что я говорю, совершеннѣйшая правда, и чувства мои вполне искренны.

Духовникъ былъ удовлетворенъ.

Въ хорошемъ настроеніи Димитрій и Мнишекъ возвращались въ Сомборъ. Димитрій уже рисовалъ широкіе перспективы.

— Въ Москву, въ Москву скорѣе,—говорилъ онъ Сандомирскому воеводѣ. Только перейти границу, и вы увидите, какъ русскій народъ

встрѣтить своего царевича! Мнѣ нужна теперь дѣйствительная помощь.

— За помощью дѣло не станетъ,—отвѣтилъ Мнишекъ,—стоитъ только прикнуть кличъ, и охотниковъ найдется много! Я окажу все мое вліяніе.

Димитрій былъ тронутъ отзывчивостью Мнишки и горячо благодарилъ его.

— Теперь, конечно, я могу получить и ваше согласіе на бракъ съ Мариной? — спросилъ онъ.

— О, я въ этомъ никогда и не думалъ отказывать!—возразилъ Мнишекъ.

Димитрій былъ въ восторгѣ. Онъ уже рисовалъ картину, какъ онъ возложитъ царскую корону на голову своей невѣсты. Но Мнишка плѣняло не это. Онъ прежде всего интересовался тѣми матеріальными выгодами, которыя онъ получитъ.

Димитрій понялъ это и заявилъ, что онъ въ долгу не останется, онъ наградитъ его по царски. Онъ обѣщалъ, немедленно по вступленіи на престолъ, уступить сандомирскому воеводѣ двѣ области: Смоленскую и Сѣверскую. Предварительно же онъ выдастъ Мнишку миллионъ флориновъ, для того, чтобы оплатить путешествіе въ Москву Марины и дать возможность тестю расплатиться съ кредиторами.

Не менѣе щедро онъ проектировалъ наградить и свою невѣсту: помимо массы драгоценныхъ подарковъ она получитъ въ видѣ удѣловъ Новгородъ и Псковъ.

Мнишекъ былъ удовлетворенъ сдѣланными обѣщаніями. Но онъ вспомнилъ о церкви и католической религіи и потребовалъ, чтобы Маринѣ было предоставлено право свободно исповѣдывать свою вѣру. А въ будущихъ ея „удѣлахъ“, Новгородѣ и Псковѣ, заводить католическіе монастыря и строить школы.

Димитрій соглашался на все. Онъ увѣрялъ, что и самъ будетъ ревностнымъ католикомъ. Достаточно ему года, чтобы всѣхъ русскихъ привести къ латинству.

— Даю въ этомъ слово!—горячо увѣрялъ онъ.

Забываясь о своемъ дальнемъ путешествіи въ Москву, онъ просилъ, чтобы ему въ руководители дали католическаго священника.

Воевода Мнишекъ охотно устроилъ ему это: въ руководители ему назначили двухъ священниковъ: о. Николая Чиршовскаго и о. Андрея Лавицкаго.

Главный штабъ будущей арміи былъ учрежденъ въ Львовѣ. Сюда стали стекаться польскіе волонтеры: это были, большею частью, люди сомнительной репутаціи, явившіеся сюда, почуявъ возможность добычи. Скоро они заявили себя всевозможными буйствами, грабежами и убійствами, такъ что горожане Львова вынуждены были обратиться къ королю за помощью. Но прежде чѣмъ король захотѣлъ принять какія либо мѣры, армія Димитрія уже покинула Львовъ. Согласно обычаю, на общемъ собраніи выбрали главныхъ начальниковъ. Главнокомандующимъ былъ избранъ Сандомирскій воевода. Правда, онъ былъ для войны уже старъ,

но зато онъ имѣлъ званіе сепатора и пользовался среди поляковъ авторитетомъ. На помощь ему было избрано три полковника и множество офицеровъ. Былъ выработанъ регламентъ, опредѣляющій обязанность каждаго.

Раннимъ утромъ 29 августа, пестрая армія Дмитрія двинулась въ походъ. Это было любопытное зрѣлище. Выступили при общихъ ликоваціяхъ, какъ будто собирались совершить увеселительную прогулку.

— Да здравствуетъ царевичъ!—кричала эта пестрая толпа, потрясая оружіемъ.

Въ центрѣ арміи, вокругъ краснаго знамени съ чернымъ византійскимъ орломъ на золотомъ фонѣ, была расположена главная масса пѣхоты и кавалеріи. Здѣсь же былъ и Мнишекъ съ Дмитріемъ. На флангахъ были казаки и уланы. Казаки несли артиллерійскую службу. 20 октября армія перешла границу. Жребій былъ брошенъ.

III.

Походъ на Москву.

Въ концѣ октября жители Моровска были извѣщены о приближеніи войскъ Дмитрія. Въ народѣ начались волненія, появились какіе-то люди, которые раздавали воззваніе царевича. Собирались въ кучки и оживленно обсуждали полученное извѣстіе. Сразу въ этихъ разговорахъ было замѣтно, что народъ относится съ глубокой ненавистью къ Московскому правительству и съ полнымъ сочувствіемъ къ Дмитрію.

31 октября около города появились казаки и поляки, отдѣлившіеся отъ главной арміи. Въ крѣпости начиналось смятеніе. Гарнизонъ волновался, воеводы чувствовали, что рассчитывать на него нельзя. Когда къ крѣпости подѣхалъ казакъ и на концѣ сабли передалъ требованіе о безусловной сдачѣ, то никто и не думалъ сопротивляться. Городъ былъ взятъ безъ выстрѣла.

Димитрію была послана депутація съ изъявленіемъ покорности. Это была первая безкровная побѣда. Димитрій обставилъ ее торжественно. Среди множества войскъ, выстроившихся по обѣимъ сторонамъ дороги, онъ вѣхалъ въ городъ. Жители массой вышли къ нему навстрѣчу и на протяженіи всей дороги, стояли на колѣняхъ. Многіе плакали отъ радости и причитывали:

— Встаетъ наше красное солнышко, давно закатилось оно. Ворочается къ намъ Димитрій Ивановичъ!

Передъ стѣнами города депутація, колѣнопреклоненная, передала Димитрію ключи отъ крѣпости, поднесли хлѣбъ-соль. Священники окропили его святой водой. Послѣ этого Димитрія повели приложиться къ наиболѣе чтимымъ иконамъ.

Наконецъ, въ довершеніе триумфа къ нему привели двухъ воеводъ, которые противодѣйствовали сдачѣ. Цѣлый день въ городѣ былъ праздникъ: звонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ.

Димитрій былъ доволенъ: давно взлелѣянная мечта сбылась.

За Моровскомъ точно такъ же сдался и Черли.

говъ. Но сдача этого города прошла не такъ благополучно. Когда воевода Татевъ увидѣлъ, что народъ переходитъ на сторону Димитрія, онъ заперся въ крѣпости. Тогда бунтовщики призвали казаковъ, полагая, что расправиться съ гарнизономъ не предоставитъ труда. Но оказалось, что они ошиблись въ расчетахъ: лишь только казаки бросились къ крѣпости, какъ были встрѣчены такимъ убійственнымъ огнемъ, что смѣшались и обратились въ бѣгство. Чтобы вознаградить себя за потери, они бросились на жителей, и начался самый отчаянный грабежъ.

Здѣсь и проявилась вся алчность и разнузданность войскъ Димитрія. Черниговцы обратились съ жалобой къ царевичу. Приѣхавшіе его адъютанты должны были только констатировать правильность жалобъ. Но вернуть награбленное не удалось.

Воевода Татевъ, однако, не сталъ долго сопротивляться Димитрію: онъ перешелъ на его сторону.

Въ Москвѣ успѣхи Димитрія побудили, наконецъ, принять серьезныя мѣры борьбы съ Димитріемъ. Проклятiе въ соборѣ и объявленіе Димитрія „бѣжавшимъ монахомъ Гришкой Отрепьевымъ“ дѣлу не помогали. Вездѣ, гдѣ появлялся Димитрій, народъ встрѣчалъ его съ распростертыми объятіями. Пришлось взяться за оружіе. Противъ Димитрія была направлена большая армія подъ командою князя Мстиславскаго. Она сконцентрировалась у Брянска.

Когда узналъ объ этомъ Димитрій, онъ при-

шелъ въ большое смущеніе: предстояло дать сраженіе, отъ котораго зависла его судьба. Онъ долго ходилъ по своей походной палаткѣ и, наконецъ, не выдержавъ и пошелъ къ одному изъ капеллановъ, чтобы отъ него услышать слова поддержки и утѣшенія. Онъ думалъ, что передъ труднымъ дѣломъ необходимо сдѣлать какое-нибудь хорошее дѣло, угодное Богу, и поэтому, онъ сказалъ капеллану:

— Я даю обѣтъ, если Господь благословитъ мои усилія, воздвигнуть въ Москвѣ церковь въ честь святой Дѣвы.

Вамъ я и думаю ее передать.

Иезуитъ былъ доволенъ обѣщаніемъ. Онъ ободрилъ Димитрія, предсказавъ ему побѣду.

— Вашему Величеству,—сказалъ онъ смиренно—изъ Польши прислана драгоцѣнная реликвія, которая предохранитъ васъ отъ несчастій.

Димитрій захотѣлъ немедленно получить реликвію, и повѣсилъ ее себѣ на шею.

Отъ капеллана онъ ушелъ успокоенный.

Все шансы побѣды были на сторонѣ русскихъ: лучшее вооруженіе, болѣе многочисленное и свѣжее войско. Но не было одного: не было желанія сражаться. Духъ сомнѣнія охватилъ солдатъ; посланные Димитрія вели усиленную пропаганду. Отсутствіе вѣры въ дѣло, за которое нужно было сражаться, парализовало энергію. Послѣ нѣсколькихъ энергичныхъ атакъ польской кавалеріей русское войско дрогнуло. Князь Мстиславскій, самъ раненый въ битвѣ, поспѣшно отступилъ, не по-

добрать раненыхъ, оставивъ въ рукахъ непріятеля нѣсколько пушекъ и свое парчевое знамя. Необходимо было преслѣдовать непріятеля, добить его окончательно; къ этому стремился и Димитрій. Но тутъ случилось обстоятельство, которое помѣшало его рѣшительной побѣдѣ. Казна Димитрія была пуста и ему нечѣмъ было платить жалованье наемникамъ. Казаки были готовы подождать, но поляки не соглашались ни на какія отсрочки.

— Назадъ, въ Польшу! — кричали возмущившіеся жолнеры.

Димитрій, не имѣя средствъ заплатить всѣмъ, обратился къ ротѣ Фредра, которая пользовалась особымъ уваженіемъ въ войскѣ. Ей были уплачены деньги, но за то она обязалась уговорить остальныхъ успокоиться и предотвратить неизбежный бунтъ арміи. Но Димитрій ошибся. Эта мѣра вызвала общее возмущеніе. Солдаты отказались повиноваться, дисциплина была забыта. Лагерь немедленно былъ разграбленъ, тащили все: жизненные припасы, аммуницію, даже пушки и знамена.

— Долой Димитрія! — кричала толпа, — насъ обманули!

Напрасно Мнишекъ уговаривалъ успокоиться и увѣрялъ, что деньги будутъ уплачены, его не слушали.

— Назадъ, въ Польшу! — былъ одинъ отвѣтъ.

Жолнеры, дѣйствительно, рѣшили вернуться въ Польшу и тотчасъ отправились въ путь. Къ удивленію Димитрія, за ними послѣдовалъ и Мнишекъ. Онъ объяснилъ, что получилъ при-

казъ короля вернуться.

Димитрій былъ окончательно убитъ этимъ отъѣздомъ. Все рушилось. Онъ не могъ съ этимъ помириться, вѣдь онъ почти уже держалъ вѣнецъ въ рукахъ. Въ отчаяніи и почти въ слезахъ онъ бѣгалъ отъ одной палатки къ другой и просилъ не покидать его. Но поляки встрѣчали его съ насмѣшкой. Его авторитетъ въ ихъ глазахъ палъ, какъ только сталъ пустъ его кошелекъ. Въ минуту опасности, Димитрій бросился къ капелланамъ и сталъ ихъ умолять помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Они ему, дѣйствительно, помогли. Когда накричавшись до сыта, поляки немного успокоились, и многіе стали колебаться: вернуться ли въ Польшу или идти за Димитріемъ, экипажъ іезуитовъ, какъ будто ничего не случилось, по данному приказу двинулся по московской дорогѣ. Это произвело впечатлѣніе на поляковъ и заставило идти за Димитріемъ колебавшихся. Только восемьсотъ человѣкъ вернулся въ Польшу, а около двухъ тысячъ рѣшило идти на Москву.

Скоро войскамъ Димитрія вновь пришлось столкнуться съ арміей Годунова. Во главѣ ея по-прежнему стоялъ князь Мстиславскій. Годуновъ послѣ понесеннаго имъ пораженія не только не смѣнилъ его на посту главнокомандующаго, но обошелся вообще съ войскомъ такъ, какъ будто бы оно одержало побѣду. Всѣмъ, даже солдатамъ, были розданы щедрые подарки. Оправившись отъ раны, Мстиславскій со своимъ помощникомъ Василиемъ Шуйскимъ быстро привели въ порядокъ

войско и ждали удобнаго момента, чтобы отплатить непріятелю за пораженіе.

На военномъ совѣтѣ, созванномъ Димитріемъ, поляки совѣтовали не начинать военныхъ дѣйствій, а вступить съ Московскимъ войскомъ въ переговоры, благодаря чему можно будетъ воздѣйствовать на войско путемъ подкупа уговоровъ. Но казаки рвались въ бой, они не хотѣли медлить и настаивали на немедленномъ сраженіи. На ихъ сторонѣ былъ и Димитрій, ибо онъ не сомнѣвался въ побѣдѣ.

У князя Мстиславскаго было больше войска, такъ что Димитрію приходилось разсчитывать, главнымъ образомъ, на высокія качества польской кавалеріи. Поляки первые начали сраженіе. Они стремительно бросились на русскія войска и привели бы ихъ, можетъ быть, въ смятеніе, если бы не внезапное бѣгство запорожскихъ казаковъ. Ихъ было около семи тысячъ. Внезапно, они безъ всякаго основанія обратились въ беспорядочное бѣгство; чѣмъ и смутили поляковъ. Русскіе оправились и разбили на голову остатки польскихъ войскъ. Пораженіе арміи Димитрія было полное. Это было не отступленіе, а паническое бѣгство. Багажъ, повозки, оружіе—все было брошено. Поддавшись общему страху, іезуиты метались вмѣстѣ съ другими по лагерю и не знали куда дѣваться. Димитрій вывелъ ихъ изъ затрудненія, давъ имъ лошадей. Правда, оба капеллана были плохіе наѣздники, но тутъ некогда было думать объ этомъ. Захвативъ толь-

ко принадлежности своей капеллы, они вскочили на лошадей и съ рискомъ сломать себѣ шеи бросились за разсѣявшеюся арміей Димитрія. Увидѣвъ полное пораженіе своей арміи, Димитрій также бросился въ бѣгство. Онъ несея стремительно. Ему все казалось, что за нимъ гонятся всадники Мстиславскаго и вотъ, вотъ нагонятъ. Паническій страхъ леденилъ его душу. 3-го февраля прискакалъ онъ въ Путивль блѣдный, усталый. Около него собралась небольшая кучка вѣрныхъ ему людей. Усталые, измученные бѣгствомъ—они не могли бы оказать сопротивленіе Мстиславскому, если бы онъ захотѣлъ ихъ преслѣдовать: Димитрій былъ бы схваченъ и дѣло Годунова было бы выиграно. Но Мстиславскій послѣ побѣды проявилъ странную медленность. Не дойдя до Путивля, онъ остановился у Рыльска и дальше не двинулся. Димитрій такимъ образомъ избѣгъ опасности. Четыре мѣсяца Димитрій пробылъ въ Путивлѣ, собирая свою разсѣянную армію. Не разъ онъ приходилъ въ отчаяніе и съ тоской себя спрашивалъ:

— Что же дѣлать? Не вернуться ли въ Польшу?

Но скоро онъ оправился и сталъ проявлять кипучую дѣятельность. Около него осталось нѣсколько эскадроновъ польской кавалеріи, небольшое количество казаковъ и крестьяне, вооруженные чѣмъ попало. Противъ него были двѣ большія арміи: одна изъ нихъ находилась подъ командой Мстиславскаго и Шуйскаго, другая командовалъ Переметьевъ. Трудно сказать чѣмъ

ы кончилась борьба, если бы судьба не разрѣшила ее по своему. 5 марта изъ русскаго стана рискакалъ гонецъ. Это былъ Авраамій Бахметевъ. Онъ пожелалъ лично говорить съ „царевичемъ“. Когда его привели къ Димитрію, тотъ саявилъ ему, что пріѣхалъ предложить свои услуги и сообщить радостную вѣсть: Годуновъ умеръ!

— Что? Годуновъ умеръ?!—воскликнулъ Димитрій.

— Да. 29 апрѣля,—отвѣтилъ Бахметевъ. Димитрій не вѣрилъ своимъ ушамъ. Это извѣстіе стоило всякой побѣды. Противникъ умеръ, теперь путь въ Москву открытъ! Онъ быстро одилъ назадъ и впередъ и тысячи мыслей роились въ его головѣ.

— Но можетъ быть это ошибочный слухъ? Скоро, однако, сообщеніе Бахметева подтвердилось изъ другихъ источниковъ. Воевода Ливенскій подробно сообщилъ Димитрію о послѣднихъ минутахъ жизни Годунова. По его разсказу съ Борисомъ случился припадокъ. Кровь выпнула горломъ, пошла изъ ушей. Онъ упалъ навзничь и черезъ нѣсколько часовъ скончался. Теперь Димитрій былъ увѣренъ въ успѣхѣ своего дела. Скоро донесли о перемѣнѣ главнокомандующаго арміей Годунова: пріѣхалъ молодой де Басмановъ, талантливый и энергичный полководецъ. Вѣстѣ съ тѣмъ Димитрію стало вѣстно, что бояре въ Москвѣ недовольны Годуновыми. Послѣ смерти Бориса остались жена.

его Марія Григорьевна, дочь Ксенія и сынъ Ѳеодоръ. Сынъ вступилъ на престолъ, а царица Марія, естественно, стала правительницей. Но это было ненавистно боярамъ. Царица Марія была дочь Малюты Скуратова и съ ея именемъ невольно связывались мрачныя картины опричины. Скрытое недовольство рано или поздно должно было прорваться наружу и для внимательнаго наблюдателя было очевидно, что дни Годуновыхъ сочтены.

— Но Басмановъ?—думалъ Димитрій—ему довѣрили начальство надъ арміей, значитъ онъ вѣренъ Годуновымъ. Опять упорная борьба и неизвѣстность.

— Склонить его на свою сторону и тогда безъ выстрѣла я буду въ Москвѣ, мечталъ онъ нервно, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ рѣшилъ употребить всѣ мѣры, чтобы повліять на Басманова. Въ первыхъ числахъ мая Басмановъ ирѣхалъ къ арміи, осаждавшей г. Кромъ. Онъ сразу почувствовалъ, что войска находятся въ состояніи полнаго разложенія. Между осаждаемымъ врагомъ и осаждающими установились правильныя сношенія. Развилось сильное дезертирство: лучшіе воины переходили на сторону Димитрія. Въ войскахъ развилась и крѣпкая смута, со дня на день можно было ждать возмущенія. Общее настроеніе охватило и Басманова. Онъ видѣлъ, что душа народа не съ Годуновыми, а съ Димитріемъ и пошелъ за народомъ. 17 мая Басмановъ со всѣмъ войскомъ

перешелъ на сторону Димитрія, провозгласилъ его законнымъ наслѣдникомъ престола и первый поцѣлсвалъ ему крестъ въ знакъ вѣрности. Теперь Димитрій сталъ господиномъ положенія, его путь къ Москвѣ былъ триумфальнымъ шествіемъ. Народъ съ восторгомъ встрѣчалъ „царевича“ и въ этой радости невольно выразилась вся та затаенная ненависть, которая накопилась въ груди народа противъ Московскаго правительства. Сопровождавшіе Димитрія поляки съ удивленіемъ наблюдали, какъ вездѣ, гдѣ только появлялся Димитрій, тотчасъ являлась депутація съ хлѣбомъ-солью и цѣлые города съ радостью переходили на его сторону. Скоро къ Димитрію явились депутаты отъ Московскихъ бояръ, чтобы вести съ нимъ переговоры. Они явились отъ недовольнаго Годуновыми боярства для того, чтобы выработать условія вступленія Димитрія въ Москву. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ обѣ стороны пришли къ слѣдующему соглашенію:

- 1) Вѣра православная останется нерушимой.
- 2) Самодержавная власть сохраняется и Димитрій пользуется тѣми же правами, что и отецъ. Въстѣ съ тѣмъ бояре выражали пожеланіе, что-бы русскимъ людямъ были предоставлены такія же вольности, какими пользуются поляки.
- 3) Званіе сенатора не можетъ быть пожаловано иноземцу; однако они могутъ приобрѣтать въ Россіи недвижимую собственность.

4) Государь воленъ допускать ко двору иноземцевъ.

5) Иноземцы, служащіе царю, имѣютъ право устраивать церкви.

6) Димитрію предоставлялось право заключать союзы по своему усмотрѣнію съ другими государствами противъ турокъ.

На этомъ сошлись, хотя на счетъ „вольностей“ Димитрій ограничился только общими обѣщаніями обратить на это вниманіе. Теперь оставалось идти на Москву...

Успѣхъ самозванца произвелъ въ Москвѣ смятеніе среди сторонниковъ Годуновыхъ. Измѣна Басманова вызвала массовый переходъ на сторону Димитрія даже тѣхъ, кого Годуновы считали людьми вѣрными. Стоявшіе еще у власти ясно чувствовали, что они потеряли опору въ народѣ. Уполномоченные Димитрія вели успѣшную агитацію и со дня на день можно было ждать катастрофы. Между тѣмъ правительство Годуновыхъ, какъ бы не считалось съ создавшимся положеніемъ оно дѣйствовало старыми излюбленными способами; зачинщиковъ хватали, сажали въ тюрьмы, пытали и даже казнили. Жестокость приговоровъ еще больше озлобляла народъ, и заставляла мечтать о Димитріѣ. 10 іюня въ окрестностяхъ Москвы въ Красномъ селѣ появились два посланца Димитрія: Пушкинъ и Наумъ Плещеевъ. Они бродили среди народа и раздавали воззванья Димитрія.

— Православные, говорилъ Пушкинъ народу, долго ли надъ нами будутъ издѣваться Годуновы? Чего мы ждемъ, когда законный царь Димитрій почти у воротъ Москвы?

— Вѣрно, отвѣчали въ толпѣ, долой Годуновыхъ, пойдѣмъ въ Москву!

Вокругъ Пушкина и Плещеева собиралось все больше и больше народа. Розданныя воззванія оказывали свое дѣйствіе.

— Пойдемъ въ Москву, соберемъ народъ и пусть они тамъ прочитаютъ грамоту Димитрія! кричали въ толпѣ.

Пушкина и Плещеева подхватили и съ крикомъ всей толпой повели въ Москву. По дорожкѣ изъ домовъ выбѣгалъ народъ и приставалъ къ толпѣ, а сторонники Димитрія не дремали: смѣшавшись съ народомъ, они вели агитацію противъ Годуновыхъ. Пришли на красную площадь, кто то бросился на колокольню и ударилъ въ набатъ. Москва вздрогнула подъ могучими ударами колокола. Всѣ и старый и малый вышли изъ домовъ и бросились на Красную площадь.

— Долой Годуновыхъ, да здравствуетъ Димитрій! кричали нѣкоторые изъ бѣжавшихъ.

Чувствовалось—приближается гроза. Напрасно сторонники Годуновыхъ старались успокоить толпу, они вездѣ встрѣчали къ себѣ враждебное отношеніе. Среди криковъ толпы Пушкинъ вошелъ на возвышеніе и прочелъ посланіе Димитрія. Не всѣ слышали его за гу-

ломъ голосовъ и дальностью разстоянія, но смыслъ его угадывали и отдѣльныя, долетавшія выраженія объясняли по своему. Грамота была адресована къ князьямъ Мстиславскому и Шумскому. Въ ней Димитрій обращался съ призывомъ къ боярству, духовенству знатнымъ людямъ и простому народу. Димитрій провозглашалъ себя законнымъ наследникомъ престола Бориса Годунова онъ называетъ измѣнникомъ и тираномъ, требуетъ подчиненія себѣ и обѣщаетъ ни на комъ не вымѣщать злобы. Онъ всѣхъ явившихся къ нему прощаетъ, ибо понимаетъ, что они частью по простотѣ сердечной, частью по невѣжеству вѣрили Годунову и служили ему, считая его законнымъ государемъ. Въ посланіи Димитрій заявляетъ, что менѣе всего желаетъ проливать кровь дорогого для него народа, радъ, что уже многіе города безъ всякаго сопротивленія перешли на его сторону. Для тѣхъ же, кто пожелаетъ противиться его волѣ, у него есть сильная армія и для нихъ пощады не будетъ. Въ заключеніе онъ желаетъ, чтобы тяжелые годы для русскаго народа прошли и обѣщаетъ каждому классу населенія облегчить его жизнь различными мѣрами. Враги же пусть трепещутъ суда Божія и гнѣва его царскаго величества!..

— Вотъ что велѣлъ передать вамъ царь Московскій, закончилъ чтеніе Пушкинъ.

— Да здравствуетъ Димитрій! закричала толпа.

— Долой Годуновыхъ! раздались голоса в

разныхъ концахъ площади. Приверженцы Дмитрія бросились въ Кремль и увлекали за собою остальныхъ...

Въ Кремлѣ съ трепетомъ ждали, чѣмъ кончится сходка на Красной площади. Никто однако не думалъ сопротивляться. Приверженцы Годуновыхъ съ первыми ударами набата быстро куда-то исчезали. Царица Марья металась по дворцу и не знала, что дѣлать. Ѳедоръ блѣдный стоялъ у окна и тревожно смотрѣлъ на дворъ, Ксенія плакала... Скоро послышался ревъ приближающейся толпы. Трудно было понять, что они кричали, но жутко становилось отъ этого крика. Толпа окружила дворецъ и стала требовать, чтобы Годуновы вышли на дворъ. Царица Марья съ дѣтьми бросилась въ заднія комнаты, но ихъ тамъ нашли и не тащили на крыльцо.

Среди дикаго рева и грубыхъ насмѣшекъ стояли Годуновы и ждали рѣшенія своей участи; навѣрное, ихъ бы разстерзали, но руководители мятежа не имѣли на это приказа, а потому они убѣдили толпу ихъ не трогать. Царицу съ дѣтьми опять увели во дворецъ, приставили къ нимъ стражу, а сторонниковъ Годуновыхъ Вильяминовыхъ и Сабуровыхъ отвели въ тюрьму. Народъ ни кѣмъ не сдерживаемый бросился грабить дворецъ. Немедленно были разбиты погреба, въ которыхъ хранились громадныя запаса вина, и жадная толпа бросилась уничтожить все, что попадало въ руки.

Скоро перепились и уже не знали удержа. Всю ночь ходили по Москвѣ и грабили богатые дома. Никто не думалъ сопротивляться, всѣ разбѣгались, чтобы только спасти жизнь. Крикъ озвѣрѣвшей толпы, трескъ и звонъ выбиваемыхъ дверей и оконъ стояли надъ городомъ и наводили ужасъ на мирнаго обывателя. Уничтожали все; ломали мебель, угоняли скотъ, а въ винѣ почти купались. Успокоились тогда, когда отъ выпитаго вина не могли уже двигаться. Тяжелые дни настали во дворцѣ. Царицы Марья приготовилась къ смерти. Вспоминая прошлое, она хорошо знала, что ихъ ждетъ неизбежная участь: самозванецъ вымѣститъ на нихъ свою злобу. Она не боялась, но когда вспоминала о дѣтяхъ, ее охватывала нервная дрожь. Въ особенности ее смущала красавица Ксенія. Она въ ужасъ приходила отъ того позора, который ожидаетъ ее.

— Ну хоть бы убили, шептала она про себя, а то вѣдь опозорятъ!..

Какъ тѣнь ходила она по дворцу и со страхомъ прислушивалась ко всякому шуму. Въ собственности жутко было, когда стемнѣетъ. Она не сомнѣвалась, что, если придутъ, то ночью. И она всѣ ночи не смыкала глазъ. Чувствовали близость страшной минуты и дѣти, въ тоскѣ бродили по комнатамъ, старались быть вмѣстѣ. Это случилось дѣйствительно ночью. Послышались шаги и гулъ многихъ голосовъ. Въ комнаты, гдѣ находились царица съ дѣтьми,

ворвались человекъ десять вооруженныхъ людей. Началась неравная борьба.

— Пощадите дѣтей! молила царица марья, стоя на колѣняхъ передъ убійцами.

— Ксенію не трогать! приказалъ тотъ, который руководилъ всѣми. Марья и Θεодоръ сопротивлялись, но были задушены на глазахъ Ксеніи, а ее безъ чувствъ вынесли на рукахъ. Скоро во дворцѣ стало тихо, опустѣло. Убійцы, совершивъ свое гнусное дѣло, торопливо ушли. Только два трупа царицы Марьи и Θεодоры лежали на полу и взывали о помощи. На утро князя Голицынъ и Масальскій послали Дмитрію донесеніе, что согласно его желанію съ Годуновыми покончено. Народу же объявили, что Годуновы сами наложили на себя руки.

Путь въ Москву для Димитрія былъ открытъ. Самъ онъ еще стоялъ въ Тулѣ, но распоряжался уже всѣмъ московскимъ царствомъ. Отовсюду къ нему приходили депутаціи отъ различныхъ городовъ, заявляя ему о признаніи его царемъ. Онъ принималъ всѣхъ ласково и согласно своему обѣщанію никому не мститъ и никого не называлъ. Архіепископъ рязанскій Игнатій, находившійся при немъ и одинъ изъ первыхъ признавшій его, провожалъ всѣхъ являвшихся къ присягѣ. Наказаніе было наложено только на нѣкоторыхъ представителей высшаго духовенства. Патріарху Іову, ставленнику Годунова, когда-то предавшему анафемѣ Димитрія

былъ посланъ приказъ отправиться въ ссылку. Одѣтый въ простую рясу, Іонъ былъ отвезенъ въ Старицкій монастырь. Той же участи подверглись и архимандриты Варлаамъ и Василій. 24 іюня Димитрій тронулся къ Москвѣ. Это было, дѣйствительно, триумфальное шествіе. Народъ выходилъ навстрѣчу новому московскому царю и радостными кликами привѣтствовалъ его вступленіе въ Москву. Особенно торжественно народъ встрѣчалъ Димитрія въ Серпуховѣ. Ему были устроены необыкновенныя шатры. Просторные съ массивными дверями, съ башнями по бокамъ, они имѣли видъ маленькихъ крѣпостей. Внутри стѣны были увѣшаны коврами. Особенно роскошно была устроена столовая. Бояре прислали изъ Москвы поваровъ и обильный запасъ всякаго провіанта, какъ Димитрій могъ своимъ сторонникамъ давать роскошныя обѣды. Кругомъ палатокъ, гдѣ жилъ Димитрій, всегда толпился народъ и всячески выражалъ ему свой восторгъ.

30-го іюня Димитрій торжественно вступилъ въ Москву. Былъ прекрасный лѣтній день. Солнечные лучи, переливались на куполахъ московскихъ церквей. Москва была вся въ зелени и радостно привѣтствовала Димитрія. На улицахъ было необыкновенное оживленіе. Какъ будто въ большой праздникъ всѣ нарядились, кто во что могъ, и торопились къ Серпуховской заставѣ, чтобы встрѣтить Димитрія.

Чувствовался какой то нервный подъемъ, ждали чего то важнаго. необыкновеннаго. Когда показалась процессія, Москва встрѣтила ее громомъ колоколовъ. Зазвонили вездѣ разомъ. Радостный веселый звонъ неся далеко, далеко; возвѣщая вѣсть о вступленіи новаго царя. Народъ кричалъ отъ восторга, при видѣ Димитрія кидали вверхъ шапки. Нѣкоторые падали на колѣни и плакали слезами радости. Димитрій вступалъ въ Москву, какъ триумфаторъ. Шествіе открывали семьсотъ поляковъ—это все, что осталось у Димитрія. Подъ звуки нѣсколькихъ оркестровъ они чинно выступаютъ, блестя на солнцѣ своими доспѣхами. За ними идутъ стрѣльцы въ красныхъ, шитыхъ золотомъ кафтанахъ, далѣе московская конница съ трубами и барабанами. Между тѣсными рядами войска то тутъ, то тамъ виднѣются роскошныя кареты, запряженныя шестернею лошадей въ богатѣйшихъ пополахъ. Среди военныхъ и разныхъ высшихъ лицъ шествуетъ духовенство: архіепископы, епископы, архимандриты, священники. Они несутъ въ рукахъ иконы или евангеліе. Отдѣльно отъ другихъ идетъ архіепископъ рязанскій Игнатій со своими четырьмя свѣщеносцами. Среди этой толпы на прекрасномъ конѣ окруженный, блестящей свитой, ѣдетъ Димитрій. Онъ величественно спокоенъ и восторгъ толпы принимаетъ, какъ должное. И толпа при видѣ его приходитъ въ неистовство. Согласно обычая, процессія направилась къ

лобному мѣсту. Отсюда царь долженъ былъ отправиться на поклоненіе святынямъ Кремля. Димитрій посѣтилъ Успенскій и Архангельскіе соборы, усердно молился и проливалъ слезы надъ гробницами Ивана Грознаго и Ѳеодора. Всѣхъ умиляло это почтительное отношеніе къ отцу и брату.

— А это чья? спросилъ Димитрій, подойдя къ новой гробницѣ, недавно воздвигнутой.

— Бориса Годунова, отвѣтили ему въ смущеніи. Ему не мѣсто здѣсь! заявилъ Димитрій и приказалъ его прахъ предать землѣ за пределами Кремля.

По пути во дворецъ Димитрій намѣренно обошелъ домъ Годуновыхъ, отдавъ тутъ же приказаніе срыть его до основанія.

Торжествующій Димитрій вступилъ во дворецъ. Его мечта исполнялась: онъ теперь царь Московскій! Въ эту ночь долго не спалъ онъ, мысли одна за другой роились въ головѣ.

— Сколько было испытаній, надеждъ, разочарованій! думалъ онъ, блуждая по комнатамъ дворца, теперь цѣль достигнута...

Долго въ эту ночь не спала и Москва. Разошедшіеся обыватели дѣлились впечатлѣніями, высказывали свои восторги и свои сомнѣнья. Утомленный, но радостный заснулъ Димитрій. Онъ не подозрѣвалъ, что въ эту ночь его враги ковали ему измѣну. Едва народъ немного успокоился отъ торжественной встрѣчи, какъ по Москвѣ стали ходить тревожные слухи. Го-

ворили, что новый царь католикъ, что онъ хочетъ уничтожить православные храмы. Скоро стали говорить, что новый царь и не Димитрій вовсе, а, дѣйствительно, Гришка Отрепьевъ. Зловѣщіе слухи росли, смущая покой москвичей. Какіе то люди усердно ихъ поддерживали. Становилось опять тревожно.

— Что то будетъ?—съ тоской спрашивалъ обыватель и въ груди его росла злоба. Скоро зловѣщіе слухи дошли до самого Димитрія. Было наряжено слѣдствіе. Оказалось, что душою заговора является Василій Шуйскій. Этотъ человѣкъ никогда не могъ быть споксень. Онъ интриговалъ противъ всякаго, кто стоялъ у власти. Когда былъ живъ Борисъ онъ распространялъ про него порочащіе слухи. Едва онъ перешелъ на сторону самозванца, какъ уже сталъ организовывать заговоръ противъ него.

Было установлено, что Шуйскій распространяетъ слухъ, будто бы Димитрій орудіе въ рукахъ поляковъ и хочетъ ввести католичество, что онъ наконецъ, самозванецъ.

9-го іюля Димитрій созвалъ совѣщаніе бояръ и высшаго духовенства. Это совѣщаніе должно было вмѣстѣ съ тѣмъ стать и высшимъ судилищемъ надъ Шуйскимъ. Димитрій выступилъ обвинителемъ и произнесъ передъ боярами рѣчь. Онъ разсѣялъ всѣ обвиненія, выставленныя противъ него Шуйскимъ, съ глобокимъ негодованіемъ говорилъ объ измѣнѣ, которую обнаружилъ, едва вступивъ въ Мо

скву, и требовалъ строгаго наказанія. Рѣчь была умно построена и сказана блестяще. Она произвела сильное впечатлѣніе на собравшихся. Совѣщаніе единогласно приговорило Шуйскаго къ смертной казни. Димитрій утвердилъ приговоръ, Казнь должна была состояться на слѣдующій день. 10-го іюля мрачные звуки колокола созывали москвичей на тяжелое зрѣлище. Казнили Шуйскаго. Радостное чувство, съ которымъ встрѣчалъ народъ Димитрія, было забыто. Шли мрачные и подавленные на мѣсто казни. Шуйскаго всѣ знали и хоть не любили но жалѣли. Народъ глухо волновался. Скоро показались войска: это приговореннаго везли на казнь. Онъ былъ блѣденъ, но казался спокойнымъ. На помостѣ ходилъ взадъ и впередъ палачъ и ждалъ свою жертву. Шуйскаго съ связанными руками повели къ мѣсту казни, а палачъ уже готовился совершить кровавую расправу. Вдругъ общее движеніе: прискакалъ голецъ съ бумагой. Бумага была оглашена:

— Царь московскій Димитрій Ивановичъ не хочетъ омрачать своей радости и радости народа казнью, а потому милуетъ Шуйскаго!.. Въ народѣ движеніе. Вздохъ облегченія вырвался изъ сотенъ грудей.

— Да здравствуетъ царь московскій!— слышалось въ разныхъ концахъ Москвы. И народъ, удовлетворенный и радостный разошелся по домамъ. Шуйскіе были сосланы... Шуйскій былъ спасенъ отъ смерти, но, уходя въ

ссылку, онъ глубоко затаилъ злобу на Димитрія и рѣшилъ ждать удобнаго момента. Москва зажила прежней жизнью, а Димитрій сталъ готовиться къ коронаціи.

IV.

На вершинѣ власти.

Мать убитаго царевича Димитрія по приговору Годунова была пострижена въ монастырь и подъ именемъ инокини Марѣы тихо коротала свои дни въ Выксинской обители св. Николая. Можетъ быть она такъ бы и умерла среди тихихъ монастырскихъ молитвъ, забытая и оставленная всѣми, если бы не послѣднія событія въ Москвѣ. Димитрій прекрасно понималъ, что онъ въ качествѣ сына царицы Марьи прежде всего долженъ былъ позаботиться о судьбѣ своей матери. Признаніе инокиней Марѣой его за своего сына разсѣяло бы всякія сомнѣнія на его счетъ и, наоборотъ, не желаніе съ нею встрѣтиться и невнимательность къ ней явилась бы явнымъ доказательствомъ его самозванства. Неизвѣстно была-ли между Марѣой и Димитріемъ какіе либо переговоры и какія мѣры употребилъ Димитрій, чтобы склонить Марфу на свою сторону, но Марѣа къ удивленію многихъ, признала въ Димитріи своего сына. Да и трудно было ждать иного исхода. Медленное умираніе въ обители, а можетъ быть и смерть отъ насильниковъ Димитрія (судьба семьи Годунова была передъ глазами) или блестящее положеніе при дворѣ,

въ качествѣ матери Димитрія, почетъ и покой? Вотъ вопросъ, который всталъ передъ Марѳой. Она не стала колебаться. Свиданье состоялось въ концѣ іюля. Оно было обставлено такъ, чтобы для зрителей создалась иллюзія полной естественности. Димитрій выѣхалъ въ Тайнинское, чтобы встрѣчать Марѳу. Его сопровождали бояре и нѣкоторые изъ поляковъ. Со всѣхъ сторонъ собралось много народа. Лишь только вдали показался окутанный пылью экипажъ инокини Марѳы, Димитрій со святой поскакалъ къ ней на встрѣчу. За нимъ бросилась и вся толпа, окружавшая ихъ. Едва экипажъ остановился и Марѳа вышла, какъ Димитрій бросился къ ея ногамъ и сталъ цѣловать ея руки, а она обняла его и такъ оба долго плакали отъ радости. Видя эту сцену, сомнѣвавшіеся въ томъ, что новый царь московскій дѣйствительно Димитрій, должны были откинуть свои сомнѣнія, а вѣрившіе въ Димитрія отъ умиленія проливали слезы. Сцена была, дѣйствительно, трогательная: мать, думавшая, что ея сынъ убитъ, вдругъ встрѣчаетъ его черезъ много лѣтъ здоровымъ и невредимымъ! Есть отъ чего придти въ умиленіе. Когда поѣздъ царицы тронулся, то Димитрій сопровождалъ его съ непокрытой головой. Наступила ночь и царскому поѣзду пришлось остановиться на ночевку. Димитрій съ нѣжной заботливостью хлопоталъ около Марѳы, стараясь исполнить всякое ея желаніе. Они были все

время вмѣстѣ и, казалось, не могли другъ съ другомъ наговориться и оба плакали отъ радости. Въ Москву прибыли 28 іюля. Торжественный звонъ во всѣхъ церквахъ возвѣстилъ жителямъ о прибытіи царицы Марѣы. Нарочъ толпами шель навстрѣчу: всѣ съ нетерпениемъ ждали увидѣть, какъ Марфа относится къ Димитрію. Въ сопровожденіи блестящей свиты боярства въѣхала царица Марѣа въ Москву. Димитрій ѣхалъ все время рядомъ съ экипажемъ матери. Народъ въ восторгѣ привѣтствовалъ царицу и Димитрія. Прежде всего Димитрій съ матерью отправились въ Успенскій соборъ. Усердно молились и щедро раздавали милостыню. Царицѣ были отведены роскошные покои въ Вознесенскомъ монастырѣ, Димитрій приставилъ къ ней обширную свиту, каждый день онъ ходилъ навѣщать ее и по долгу съ ней бесѣдовалъ. Все это дѣлалъ такъ, чтобы народъ это видѣлъ. За возвращеніемъ царицы Марѣы послѣдовало возвращеніе Нагихъ. Дяди безъ всякаго смущенія признали въ Димитріи своего племянника и заняли во дворцѣ подобающее имъ, какъ родственникамъ, мѣсто. За Нагими были восстановлены въ правахъ Романовы. Постепенно приближались ко двору всѣ тѣ, кто испыталъ гоненіе при Борисѣ Годуновѣ. То, что дѣлалъ Димитрій, ему казалось естественнымъ и необходимымъ: онъ долженъ былъ проявить свои родственныя чувства. Но Димитрій не подумалъ о томъ, что бояре,

призвавшіе его на престолъ, совсѣмъ не имѣли въ виду уступить свое мѣсто „родственникамъ“ Димитрія. А это должно было произойти неизбежно: Нагіе стали вліятельными людьми, а за ними потянулись и Романсвы. Тѣ, кто считали себя виновниками переворота и болѣе всего имѣли основаніе воспользоваться имъ, оказались въ тѣни. Все это создавало почву для недовольства. Приближались дни коронаціи и Димитрій нашелъ, что необходимо, чтобы къ этому времени былъ избранъ патріархъ. Іовъ былъ сосланъ, но не лишенъ сана. Странно было бы возвращать его для коронаціи... Димитрій рѣшилъ, что долженъ быть избранъ другой патріархъ: на эту должность онъ намѣтилъ преданнаго ему Игнатія. Но отрѣшить отъ патріаршества престарѣлаго Іова и избрать другого самъ онъ не могъ. Поэтому онъ пригласилъ къ себѣ представителей высшаго духовенства и сталъ убѣждать ихъ въ необходимости избрать новаго патріарха. Въ своемъ разговорѣ съ представителями церкви Димитрій ни словомъ не обмолвился объ отношеніи къ нему Іова и не требовалъ наказанія. Онъ заботился только объ интересахъ церкви. Іовъ по его словамъ, старъ, почти слѣпъ и по дряхлости своей не можетъ управлять церковью, поэтому только онъ и настаиваетъ на необходимости избранія новаго патріарха. По его мнѣнію новыі патріархъ долженъ быть достаточно энергиченъ, человѣкъ достойный, какъ на примѣръ Игнатій.

Одинъ изъ представителей духовенства отвѣтилъ Димитрію за всѣхъ.

— Твое рѣшеніе Государь, признаемъ мы мудрымъ и справедливымъ. Пусть будетъ, такъ, какъ ты приказалъ. Послѣ этого епископы собрались въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ послѣ нѣкоторыхъ принятыхъ обрядовъ приступили къ выборамъ. Однако, Димитрій ошибся въ епископахъ: они не послѣдовали его совѣту. При первомъ голосованіи былъ вновь выбранъ ненавистный Димитрію Іовъ. Тогда были пущены закулисныя вліянія. Отцы церкви оказались малодушны. При второмъ голосованіи они послушно избрали Игнатія. Протоколъ избранія былъ немедленно утвержденъ Димитріемъ. Епископамъ не пришлось навѣрное раскаиваться въ своемъ малодушіи: они были вознаграждены. Около 10-го іюля въ Кремлѣ былъ устроенъ пиръ съ раздачей подарковъ, на который и были приглашены епископы. Они возвратились домой въ достаточной степени удовольствованные. Новый патріархъ слѣпо во всемъ подчинялся Димитрію. Онъ и считалъ себя ставленникомъ Димитрія, а не избраннымъ соборомъ епископовъ. Въ одномъ только онъ остался неприклоннымъ—это въ своей ненависти къ латынянамъ. Димитрій охотно мирился съ этимъ, даже считалъ выгоднымъ для себя, ибо ненависть къ католикамъ Игнатія прикрывала собственное его вѣроотступничество. На этой почвѣ скоро у Игнатія произошло столкнове-

ніе съ польскими гостями Димитрія. Въ сентябрѣ 1605 года Адамъ Вишневецкій, который такъ много сдѣлалъ для Димитрія во время его пребыванія въ Польшѣ, прибылъ въ Москву, чтобы поздравить Димитрія съ вступленіемъ на престолъ. Съ Вишневецкимъ пріѣхала цѣлая свита духовныхъ лицъ. Самъ Вишневецкій былъ ревностный насадитель православія въ западномъ краѣ. Такими же были и его спутники. Но постоянное общеніе съ католиками невольно приводило имъ нѣкоторые приемы и обычаи, чуждые русскимъ православнымъ. Увѣренные, что имъ, какъ православнымъ доступъ въ храмы открытъ, они отправились въ церковь. Однако дальше двери ихъ не пустили. На ихъ протестъ имъ отвѣтили:

— Называете вы себя православными, а повадка у васъ латинская: на головахъ у васъ нѣтъ скуфей и пѣвчихъ водите съ собой польскихъ. Пришлось раздобыть скуфьи, но это только осложнило дѣло. Въ церковь ихъ пустили, но когда они запѣли молитвы, то возмущенію присутствующихъ не было границъ. Пѣніе какое-то странное, непріятное въ русскихъ храмахъ, камилавки безъ каймы! Извѣстили объ этомъ патріарха. Въ результатѣ пріѣзжіе были преданы анафемѣ, а тѣ, кто сошелся съ ними близко и покровительствовалъ имъ, были посажены въ тюрьму — такъ разгнѣвался Игнатій. Только послѣ большихъ усилий Вишневецкаго несчастные были освобождены.

отъ заключенія. Впрочемъ, вражда патріарха Игнатія вовсе не была слѣдствіемъ его искреннихъ религіозныхъ убѣжденій. Это была политика. Онъ всегда преслѣдовалъ только свои личныя выгоды. Въ Россіи онъ былъ чужой человѣкъ чуждый русскому духовенству. Твердостью своихъ православныхъ воззрѣній онъ хотѣлъ завоевать симпатіи русскихъ людей. Впослѣдствіи, когда обстоятельства измѣнялись, положеніе его въ Москвѣ пошатнулось и пребываніе въ Московскомъ царствѣ ему никакихъ перспективъ не открывало, онъ перебрался въ Польшу и не только забылъ о своей ненависти къ католикамъ, но сталъ ревностнымъ приверженцемъ униіи, и поселился въ виленскомъ униатскомъ монастырѣ св. Троицы, гдѣ снискалъ себѣ почетъ и уваженіе. Димитрій не только не пренятствовалъ Игнатію заявлять о своей приверженности къ православію, но возможно, что даже вдохновлялъ его на это. Чтобы разсѣять распускавшіеся слухи о его переходѣ въ католичество, онъ вездѣ, гдѣ только было можно, подчеркивалъ свои заботы о православной церкви. Онъ старался сблизиться съ высшими духовными лицами, часто приглашалъ ихъ къ столу; на торжественныхъ приемахъ всегда появлялся въ сопровожденіи духовенства. Все это, однако, нисколько не мѣшало ему быть въ дружественныхъ отношеніяхъ и съ католиками и давать имъ самыя заманчивыя обѣщанія. Наступалъ день коронацій, трудный и тяжкій

день для Димитрія. По обычаю, онъ долженъ былъ въ этотъ день исповѣдываться и причаститься. По какому же обряду, по католическому или православному? Если причаститься по католическому обряду, сообразно своему новому вѣроисповѣданію,—это значитъ открыть свои карты, и тогда прощай всѣ мечты! Онъ хорошо понималъ, что русскіе никогда не согласятся, чтобы на престолѣ былъ католикъ. Незобѣжны волненія, а можетъ быть, сверженіе съ престола. Причаститься по православному обряду? Но противъ этого возстаютъ католики. По существу. Димитрію было безразлично по какому обряду причащаться, и онъ избралъ тотъ, который былъ наиболѣе выгоденъ. Коронаваніе происходило въ Успенскомъ соборѣ. Димитрій понялъ мѣры, чтобы оно было обставлено возможно торжественнѣе. Съ ранняго утра уже около Успенскаго собора собрались толпы народа: здѣсь была вся Москва. При звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ, Димитрій въ роскошномъ, затканномъ золотомъ и усыпанномъ драгоценными камнями одѣяніи прослѣдовалъ изъ дворца въ соборъ. Путь его былъ устланъ бархатнымъ малиновымъ ковромъ. Впереди шелъ священнослужитель и окроплялъ путь святой водой. За Димитріемъ шествовало высшее духовенство и бояре. По сторонамъ стояли войска. Когда Димитрій вошелъ въ соборъ, онъ поднялся на возвышеніе передъ алтаремъ и, обратившись къ собравшемуся народу, произ-

несъ рѣчь. Это было нововведеніе, которое всѣхъ сначала нѣсколько удивило. Но тепло и искренно сказанная рѣчь понравилась, и ему простили это волнодумство. Онъ говорилъ о своемъ чудесномъ спасеніи и тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя ему пришлось пережить и, наконецъ, о той радости, съ которою онъ вернулся въ дорогую ему Москву. Все это было рассказано очень трогательно, такъ что нѣкоторые даже плакали. Когда Димитрій закончилъ свою рѣчь, выступилъ патріархъ Игнатій. Прочитавъ установленныя молитвы, онъ совершилъ надъ Димитріемъ мѣропомазаніе. Затѣмъ, вручивъ ему знаки папскаго достоинства, возвелъ его на престолъ. Послѣ этого самъ патріархъ и всѣ высшіе сановники и духовники и духовенство стали поочереды подходить къ нему, падали къ его ногамъ и цѣловали помазанную елеемъ руку. Началось богослуженіе, которое совершили патріархъ Игнатій, Димитрій стоялъ и усердно молился. Наступилъ моментъ причастія. Димитрія безъ колебанья исполнилъ все, что отъ него требовалось. По окончаніи службы въ Успенскомъ соборѣ все высшее духовенство и бояре отправились во дворецъ поздравить Димитрія съ восшествіемъ на престолъ. Въ роскошно убранномъ дворцѣ собралась вся московская знать, сюда же явились и поляки во главѣ съ капелланами, чтобы выразить Димитрію свои чувства. Димитрій привѣтливо отвѣчалъ на раболѣпныя поздравленія, раздававшіяся со всѣхъ

сторонѣ. Въ особенности онѣ былѣ польщенѣ рѣчью капеллана о. Николая, сказанной на польскомѣ языкѣ. И, хотя въ ней не было ничего особеннаго, но Димитрій съ удовольствіемѣ самѣ же перевелѣ ее на русскій языкѣ и отвѣтилѣ капеллану тоже рѣчью, въ которой отмѣтилѣ самое милостивое къ нему отношеніе. Послѣ этого во дворцѣ начался пирѣ. Капелланы были сильно смущены всѣмѣ происшедшимѣ. Хотя они сами и не видѣли того, какѣ причащался Димитрій, но изѣ того, что все прошло гладко, безѣ всякаго замѣшательства, они поняли, что новыі царѣ московскій причащался по православному обряду. Въ этомѣ отступничествѣ они видѣли угрозу своему положенію и своимѣ будущимѣ планамѣ. Однако, Димитрій тутѣ же ихѣ успокоилѣ. Во время пира къ намѣ подсѣлъ одинѣ изѣ поляковѣ и рассказалѣ имѣ о бесѣдѣ съ Димитріемѣ.

— Царѣ просилѣ выразить вамѣ свое благоволеніе, говорилѣ онѣ капелланамѣ. Онѣ слова подтверждаетѣ всѣ свои обѣщанія. Пусть отцы повременятѣ немного, и онѣ исполнить все, о чемѣ говорилѣ раньше. Вмѣстѣ съ тѣмѣ онѣ онѣ высказалѣ имѣ свою радость по поводу того, что вѣнчанье на царство произошло 31-го іюня въ праздникѣ св. Игнатія Лойолы, въ этомѣ онѣ видитѣ благопріятное предзнаменованіе. Онѣ просилѣ передать также, что собирается отправить посольство въ Римѣ.

— Ну вотѣ видишь, говорилѣ о. Николай

своему спутнику капеллану Андрею, возвраща-
ясь домой, я тебѣ говорилъ, что все будетъ
хорошо. Нельзя же все сразу. И отецъ Нико-
лай началъ развивать свою любимую мысль о
томъ, что рано или поздно, но Москва перей-
детъ въ лоно католической церкви, и какой
то будетъ великій и радостный день. Празд-
нества въ Москвѣ закончились. Вѣсть о вос-
шествіи на престолъ Димитрія быстро обошла
весь города; въ особенности объ этомъ старался
патріархъ Игнатій. Онъ всюду разсылалъ гра-
моты, даже въ Сибирь, приказывая звонить въ
колокола и служить молебны о здравіи царицы
Марыи и сына ея Димитрія. Такъ Русь узнала
о восшествіи на престолъ новаго царя.

Въ продолженіи

Начало конца.

Димитрій торжествовалъ. Онъ былъ царь мо-
гущественнаго государства, всѣ передъ нимъ
разболѣпствовали, и казалось ему, что его вла-
сти нѣтъ предѣла. Странно это было Димитрію
и не могъ онъ сразу освоиться съ новымъ
положеніемъ. Какой контрастъ между прош-
лымъ и настоящимъ! Никому невѣдомый жал-
кій монахъ, ищущій пристанища и покрови-
тельства у польскихъ магнатовъ, и могущест-
венный государь, передъ которымъ когда-то
гордые магнаты теперь разболѣпно склоняютъ
головы! Димитрій спѣшилъ воспользоваться
своимъ положеніемъ. Онъ слишкомъ еще мало
жилъ и хотѣлъ насладиться жизнью. Онъ меч-

таль о радостной, веселой жизни, поэтому ему не нравился сумрачный, старый дворецъ, гдѣ отъ всего вѣяло патріархальностью. Онъ выстроилъ себѣ новый. Это было зданіе, раздѣленное на двѣ части: одна предназначалась для царя, другая для царицы. Въ комнатахъ много было свѣта. Внутренняя отдѣлка поражала роскошью, вездѣ блистала позолота. Полы были устланы роскошными коврами, а стѣны обиты дорогими матеріями. Дворецъ на всѣхъ произвелъ впечатлѣніе. Поляки приходили въ восторгъ, а бояре качали головами: имъ не нравились всѣ эти новшества, въ старомъ дворцѣ они чувствовали себя лучше. Вызвалъ ропотъ среди бояръ и тотъ торжественный церемоніаль двора, который Димитрій заимствовалъ изъ Византіи. Имъ казалось, что Димитрію, возведенному ими на престолъ, не слѣдовало окружать себя такимъ величіемъ. Но скоро въ жизни Димитрія появились факты, способные навести на самыя мрачныя размышленія. Скоро Димитрій увѣровалъ въ свое всемогущество, и пересталъ стѣснять себя въ удовлетвореніи своихъ страстей. Во дворцѣ, почти ежедневно, устраивались торжества, и Димитрій рѣдко ложился спать трезвымъ. Пирюшки эти закончивались оргіями, въ которыхъ Димитрій принималъ самое дѣятельное участіе. Одинъ голландскій купецъ, наблюдавшій придворную жизнь, рассказываетъ, что послѣ себя Димитрій оставилъ около тридцати беременных дѣвушекъ. Слухи о

развратной жизни Димитрія ходили не только по Москвѣ, но достигли и до Польши. Воевода Сандомирскій не имѣлъ желанія вмѣшиваться въ жизнь Димитрія. Тѣмъ болѣе, что онъ по прежнему нуждался въ деньгахъ и постоянно обращался за помощью къ Димитрію. Съ войны онъ привезъ съ собою только красное московское знамя, вышитое золотомъ, да пустой кошелекъ. Но скоро стали распространяться такіе слухи, которые не на шутку встревожили воеводу. Изъ достовѣрныхъ источниковъ онъ узналъ, что Димитрій держитъ при дворцѣ оставшуюся въ живыхъ дочь Бориса Годунова, Ксенію, которую и сдѣлалъ своей любовницей. Ему рассказывали, что дѣвушка рѣдкой красоты и необыкновеннаго ума. Мнишекъ былъ взволнованъ этимъ рассказомъ. Его смутила не трагическая судьба Ксеніи, ставшей любовницей убійца матери и брата, его испугала другая мысль. Онъ боялся, чтобы красавица Ксенія не стала соперницей Маринѣ. Тогда разрушатся всѣ надежды! Мнишекъ поспѣшилъ отправить Димитрію письмо, въ которомъ настойчиво потребовалъ удаленія Ксеніи. Димитрій послушался своего тестя: Ксенія была удалена въ монастырь. Димитрій съ нетерпѣніемъ ждалъ Марину. Онъ торопилъ Власьева, посланнаго имъ во главѣ посольства въ Польшу для испрошенія согласія на бракъ у короля Сигизмунда и для выполненія обряда помолвки. Но мнишекъ медлилъ отъѣздомъ и только въ началѣ марта рѣшилъ отправиться въ Москву.

2-го марта Мариша съ отцомъ выступила изъ Польши. Съ ними вмѣстѣ выступилъ цѣлый отрядъ поляковъ. Это была довольно разнообразная компанія. Во главѣ стояло нѣсколько священниковъ и семь монаховъ-бернардицевъ, которыхъ такъ любила Марина. Вмѣстѣ съ ними ѣхало нѣсколько польскихъ магнатовъ, за которыми слѣдовало грумадное количество слугъ. Самъ Мнишекъ захватилъ съ собой даже оркестръ музыкантовъ и шута Антоніо Ріати. Всѣхъ объединяла одна цѣль: поживиться въ чужой сторонѣ, и они не скрывали своихъ желаній. Въ сѣрый, ненастный день перебрался Мнишекъ со своими спутниками черезъ границу. Нерадостно было на душѣ. Въ особенности утомляла ужасная дорога, покрытая выбоинами. Поляки, впрочемъ, скоро освоились съ новымъ положеніемъ. Они стали среди русскаго населенія вести себя такъ, что о. Савицкій принужденъ былъ сказать своей паствѣ проповѣдь о томъ, какъ слѣдуетъ себя вести въ чужой странѣ. Проповѣдь, однако, мало подѣйствовала на слушателей. Тяжелая дорога, недоразумѣнія, которыя происходили у поляковъ съ русскими, — все это раздражало воеводу. Въ особенности онъ былъ недоволенъ царскимъ посломъ Власьевымъ. Тотъ, имѣя приказъ, доставить Марину какъ можно скорѣе, каждый день надоѣдалъ Мнишку съ просьбой ѣхать быстрѣе. Въ концѣ концовъ воевода обратился съ письмомъ къ Димитрію, прося его охладить рвеніе Власьева.

— Не можемъ же мы летѣть къ вамъ!—писалъ съ раздраженіемъ Мнишекъ. 20-го апрѣля поляки прибыли въ г. Лубно, гдѣ были встрѣчены официальными представителями Дмитрія. Князя Михаилъ Нагой и Мстиславскій привѣтствовалъ царицу съ благополучнымъ вступленіемъ въ Московскую землю. Каждый изъ посланцевъ изъ всѣхъ силъ старался выразить передъ Мариной свои вѣрноподданическія чувства. Вмѣстѣ съ тѣмъ царица вступила уже подъ охрану московскихъ войскъ, для чего былъ присланъ спеціальныи конвой. Ъхали медленно, часто останавливались. На остановкахъ соби-рался народъ, чтобы посматрѣть на новую царицу. Съ любопытствомъ и Маріша разглядывала своихъ неожиданныхъ „подданныхъ“. Скоро дошли до Можайска, гдѣ и остановились отдохнуть о. Савицкій воспользовался остановкой, чтобы осмотрѣть мѣстные монастырь, въ который съ трудомъ пустили, и осмотрѣвъ святыни, о. Савицкій выразилъ желаніе побесѣдовать съ игуменомъ монастыря. Бесѣдовавшіе съ нимъ монахи немного смутились, а потомъ отказали ему въ этомъ.

— Отецъ игуменъ у насъ человекъ благочестивой жъзни,—говорилъ одинъ изъ монаховъ, почти не показывается людямъ, время проводить больше въ молитвѣ. О. Савицкій не хотѣлъ нарушать покой святого старца и хотѣлъ уже уйти изъ монастыря, но вдругъ дверь въ сосѣднюю комнату отворилась, и на порогъ по-

казался монахъ. По неровной походкѣ и заплетающемуся языку было видно, что онъ пьянъ.

— Постой, постой,—закричалъ онъ вслѣдъ Савицкому, врутъ они все, подожди. О. Савицкій заинтересовался и остался. Оказалось, что передъ нимъ самъ игумень.

— Вотъ какому богу онъ молится! подумалъ о. Савицкій. Скоро появилось вино, и бесѣда приняла столь игривый характеръ, а о. игумень угощалъ столь настойчиво, что бѣдному капеллану пришлось обратиться въ бѣгство. Въ глубокомъ недоумѣніи вернулся о. Савицкій домой и потомъ часто рассказывалъ, какъ его угощали въ монастырѣ. Марина не сразу вступила въ Москву. Было рѣшено, что на нѣсколько дней она остансвится въ окрестностяхъ, чтобы отдохнуть отъ пути. Въ живописной мѣстности, среди роскошной майской природы были раскинута палатки, въ которыхъ размѣстилась Марина и ея спутники. На 12 мая было назначено вступленіе Марины въ Москву. Оно было еще торжественнѣе, чѣмъ вступленіе самого Дмитрія. Царь не пожалѣлъ средствъ, чтобы показать пріѣхавшимъ польскимъ гостямъ весь блескъ и велечіе его царствованія. Подъ умолкаемый ли на минуту колокольный звонъ, среди массы войскъ, въ сопровожденіи поляковъ, блиставшихъ своимъ прекраснымъ вооруженіемъ, въ прекрасномъ шелковомъ платьѣ, въ роскошной каретѣ, запряженной двѣнадцатью сѣрыми въ яблокахъ лошадьми, въѣжала Марина въ Москву.

Ее окружали иненитые бояре и представители духовенства. Громадная толпа народа стояла по сторонамъ дороги. Кто кричалъ въ восторгѣ ура, а кто съ чувствомъ раздраженія посматривалъ на разряженныхъ поляковъ, которые съ такимъ презрительнымъ высокомеріемъ взирали съ своихъ прекрасныхъ коней на русскихъ.

Марину радовала, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и тревожила эта стоящая кругомъ толпа. Ей жутко было среди чужихъ людей, такъ далекихъ ей по языку, по образу жизни. Но она старалась быть спокойной.

До свадьбы ей пришлось поселиться въ монастырѣ, гдѣ находилась царица Марѳа.

Близилось время коронаціи Марины, и передъ Димитріемъ всталъ неразрѣшимый вопросъ, какъ она будетъ совершать обрядъ коронованія, будучи католичкой? Димитрій, впрочемъ, особенно не волновался. Не даромъ же онъ поставилъ Игнатія въ патріархи: его дѣло найти выходъ.

Было созвано собраніе высшихъ представителей церкви. Изъ преній выяснилось, что собранію надлежитъ разрѣшить два вопроса: 1) можетъ ли царь московскій заключить бракъ съ полькой католическаго вѣроисповѣданія? 2) если различіе въ вѣроисповѣданіи препятствуетъ этому, то какое свидѣтельство перехода въ православіе должна будетъ дать невѣста? Положеніе духовенства было очень трудное. Съ одной стороны, большинство изъ нихъ желало угодить Димитрію и облегчить возможность

брака, съ другой, они боялись нарушить традиціи.

На первый вопросъ единогласно отвѣтили отрицательно: царица должна быть православной. По второму начались ожесточенныя пренія. Меньшинство требовало новаго крещенія Марины по православному обряду. Во главѣ этого меньшинства стояли епископъ казанскій Гермогенъ. Когда о требованіяхъ меньшинства узналъ Димитрій, онъ пришелъ въ большое раздраженіе. Ему стало очевидно, что если не смирить неговорящихъ іерарховъ, то произойдетъ величайшій скандалъ. Марина никогда и не думала переходъ въ православіе, да и онъ самъ является тайнымъ католикомъ. Кому-то въ голову пришла блестящая мысль: для перехода въ православіе не нужно крещенія, а достаточно одного муропомазанія.

— Но вѣдь Марина же не хочетъ переходить въ православіе!—возразили остроумному совѣтчику.

— И не надо, чтобы она переходила,—отвѣтилъ тотъ спокойно. Муропомазанія требуютъ два обряда: переходъ въ православіе и вѣнчаніе на царство. Соединимъ ихъ вмѣстѣ. Русскіе будутъ думать, что совершая муропомазаніе Марина переходитъ въ православіе, а поляки и сама Марина будетъ считать этотъ актъ обрядомъ вѣнчанія на царство. Такъ легко избѣжать скандала, и всѣ будутъ довольны. Эта мысль очень понравилась Димитрію, и онъ предложилъ ее на обсужденіе совѣщанія представителей духо-

венства. Большинство услужливо согласилось, а меньшинство заявило рѣзскій протестъ.

— Для насъ Марина Мнишекъ, — говорилъ въ глубокомъ негодованіи епископъ Гермогенъ, — только польская дѣвка, язычница, недостойная носить корону. Она должна очиститься троекратнымъ погруженіемъ въ воду. Видя, что протестантовъ не уговоришь, Димитрій прибѣгъ къ другимъ мѣрамъ: Гермогенъ былъ немедленно высланъ въ казанскую епархію, а сторонники его понесли тѣ или другія наказанія. Послѣ того, какъ оппозиція была устранена, царю не трудно было добиться благопріятнаго для себя рѣшенія. 18-го мая, съ ранняго утра стали звонить во всѣ колокола. Народъ густой толпой тянулся къ Кремлю и скоро запрудили всю кремлевскую площадь. Колокольный звонъ и гулъ народной толпы слились въ какую то своеобразную гармонію. Всѣ ждали начала торжества. Прислушиваясь къ народному говору, можно было понять, что народъ далеко не въ праздничномъ настроеніи. Раздавались недовольные голоса, что царь беретъ въ жены католичку, польскую „дѣвку“.

— Что у насъ на Руси-то нѣтъ что-ли ему достойныхъ невѣстъ? — спрашивали недовольные.

Въ особенности раздражало появленіе въ Москвѣ громаднаго количества поляковъ.

— Пьянствуютъ басурмане, да пристають къ дѣвкамъ, — говорилъ кто-то со злобой.

— Неужели и ихъ пустятъ въ соборъ? — пла-

калась старушка.

— Теперь настали такія времена, что всѣхъ пустять!..

Въ это время кончалась церемонія помолвки во дворцѣ, и процессія тронулась въ Успенскій соборъ. Духовенство, до сихъ поръ такъ ревниво оберегавшее русскіе храмы отъ посѣщенія иноземцевъ, на этотъ разъ въ угоду Димитрію широко распахнуло двери собора для поляковъ. Простой народъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ, какъ гордые польскіе паны, побрякивая оружіемъ и презрительно посматривая по сторонамъ, прошли въ соборъ. Все это такъ нарушило обычай и преданія старины...

У входа въ соборъ Димитрій и Марина были встрѣчены патріархомъ и духовенствомъ, въ сопровожденіи котораго они вошли на приготовленные для нихъ мѣста. Послѣ обычныхъ молитвъ патріархъ помазалъ Марину мвромъ и возложилъ на нее царскія регаліи. Коронованіе закончилось безъ всякихъ недоразумѣній: русское духовенство считало мвропомазаніе актомъ перехода въ православіе, а Марина и поляки, только необходимымъ обрядомъ при коронованіи. Но затрудненія ждали Димитрія дальше. Послѣ коронованія царь съ царицей сѣли на тронъ и прослушали обѣдню. Въ концѣ обѣдни, по обычаю, царь и царица должны были причаститься. Этого момента большинство ждало съ нетерпѣніемъ. Однако, ни царь, ни царица, не выразили ни-какого желанія причаститься. Это было такъ.

неожиданно, что всѣ, даже патріархъ Игнатій, почувствовали смущеніе. Обманъ былъ ясенъ для всѣхъ. Не смущался только Димитрій и Марина, они спокойно выполняли всѣ остальные мелочи обряда, не обращая вниманія на недоумѣвающіе взгляды окружающихъ.

Въ тяжеломъ недоумѣніи разошелся народъ по домамъ, какую-то смутную обиду чувствовалъ онъ въ сердцѣ.

— Слышали, говорятъ, царица-то отказалась отъ причастія?—спрашивалъ кто, возвращаясь домой.

— Обманываютъ народъ православный, да и самъ-то царь, говорятъ, проданъ полякамъ!—отозвался другой съ раздраженіемъ.

Устали и во дворцѣ. Было уже поздно, а потому Димитрій рѣшилъ перенести свадебный пиръ на другой день.

— На завтра пятница, да и праздникъ св. Николая —кто-то нерѣшительно возразилъ Димитрію.

Но на это не обратили вниманія.

На другой день, по старому обычаю, молодые пошли въ баню, а потому свадебный пиръ начался нѣсколько позднѣе, чѣмъ предполагали. Чтобы сгладить неблагоприятное впечатлѣніе отъ отказа отъ причастія, Димитрій старался строго соблюдать всѣ старинные обычаи свадебнаго пира. Духовенство окропило царя съ царицей святой водой. Гости размѣстились за столомъ на простыхъ деревянныхъ скамьяхъ, каждый

получилъ свой паекъ хлѣба. Всѣ усердно привѣтствовали царя и царицу и кланялись въ поясъ. Послѣ поздравленій слуги разнесли гостямъ черносливъ. Единственно, что нарушало гармонію этого стариннаго пира, это оркестръ Мнишка, который все время наигривалъ различные польскіе мотивы. Было нудно и скучно, какъ обычно бываетъ на всѣхъ официальныхъ обѣдахъ. Димитрій вздохнулъ свободно, когда обѣдъ кончился, и онъ отпустилъ отъ себя бояръ. Началось празднество неофициальное. Димитрій пригласилъ всѣхъ въ свою половину. Здѣсь началось настоящее еселе. Вино лилось рѣкой, поляки съ увлеченіемъ танцовали мазурку, блистая красотой своихъ костюмовъ и изяществомъ манеръ. Здѣсь Димитрій чувствовалъ себя лучше. Онъ былъ веселъ, много смѣялся, былъ остроуменъ и привѣтливъ со всѣми. Въ серединѣ ночи, когда много уже было выпито вина и достаточно сказано рѣчей, Димитрій захотѣлъ отблагодарить польскихъ солдатъ, которые размѣстились на дворѣ. Онъ велѣлъ открыть дверь и обратился къ нимъ съ рѣчью. Царь восхвалялъ ихъ храбрость и мужество, благодарилъ за поддержку, которую они ему оказали и слалъ имъ свое царское спасибо. Послѣ этого каждый солдатъ получилъ по чаркѣ вина и денежный подарокъ. Поляки были въ восторгѣ отъ рѣчи Димитрія, пили за его здоровье и въ заключеніе попросили разрѣшенія въ честь его устроить турниръ.

Димитрію польстило это предложеніе, и онъ далъ согласіе. Въ первой же схваткѣ случилось несчастье: одна лошадь была убита, а всадникъ былъ раненъ. Пришлось турниръ прекратить. Веселье, однако, продолжалось до разсвѣта.

Трагическая развязка.

VI.

Димитрій веселился. Онъ былъ увѣренъ въ своемъ могуществѣ и считалъ себя непобѣдимымъ Цезаремъ. Въ головѣ его носились широкіе планы. Онъ мечталъ, какъ во главѣ противуоттоманской лиги, организованной изъ европейскихъ государствъ, онъ пойдетъ на Турцію. Онъ хотѣлъ славы. Одного только не зналъ Димитрій, онъ не зналъ, что дни его царствованія сочтены. Между тѣмъ, непрочность положенія новаго царя для внимательнаго наблюдателя была очевидна. Кармелитскіе миссіонеры, гостившіе въ Москвѣ, проѣздомъ въ Персію на предложеніе Димитрія остаться въ Москвѣ, отвѣтили отказомъ. Впослѣдствіи они объяснили поспѣшность своего отъѣзда тѣмъ, что власть Димитрія уже колебалась, и они боялись осложненій.

Дѣйствительно, глухое недовольство росло въ народѣ. Восторгъ передъ Димитріемъ смѣнился явнымъ раздраженіемъ. Женитьба на полькѣ, отказъ Марины отъ причастія, близость царя къ полякамъ—все это давало обильную пищу для всевозможныхъ слуховъ. Говорили,

что Димитрій продался полякамъ и хочетъ ввести католичество. Недовольство народа особенно усилилось съ прїѣздомъ Марины. Съ ея прибытіемъ, Москва наполнилась поляками: Разнузданные шляхтичи, пользуясь покровительствомъ царя, вели себя, какъ въ завоеванной странѣ. Своимъ поведеніемъ они оскорбляли и правственное и религіозное сознаніе народа. Народъ глухо ропталъ и волновался. Было недовольно и духовенство. Хотя Димитрій и старался быть въ дружбѣ съ высшими представителями церкви, но отъ проницательныхъ глазъ не могли укрыться постоянныя сношенія Димитрія съ іезуитами. Последняя суровая расправа съ представителями церкви, настаивавшими на крещеніи Маріи, только еще болѣе озлобила духовенство. Но въ особенности были недовольны бояре. Димитрій усвоилъ себѣ въ обращеніи съ ними точку зрѣнія восточнаго деспота. Онъ окружилъ себя кн. Нагими, и другими родственниками, а тѣ, кто больше всего хлопоталъ о возведеніи на престолъ Димитрія, остались въ тѣни. Скоро среди бояръ организовался заговоръ, во главѣ котораго встали возвращенные изъ ссылки кн. Шуйскіе. Къ заговору присоединилось до трехъ сотъ представителей высшаго тогдашняго общества. Заговорщики, обладая большими средствами, рассылали своихъ агентовъ во всѣ стороны, и тѣ вели энергичную агитацію въ народѣ. Скоро о непрочности положенія Димитрія заговорили и въ Польшѣ.

Основаніе къ этому далъ посолъ Димитрія Иванъ Безобразовъ. Московскій царь захотѣлъ имѣть представителя на польскомъ сеймѣ 1606 г., въ виду этого и былъ посланъ Безобразовъ, для того, чтобы испросить у короля охранную грамоту. Безобразовъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и посломъ отъ заговорщиковъ. Оставшись одинъ на одинъ съ Львомъ Сапегой, Безобразовъ заявилъ ему, что онъ уполномоченъ кн. Шуйскими и Голицынымъ вести тайные переговоры съ польскимъ королемъ.

— Въ Москвѣ недовольны Димитріемъ, — сказалъ Безобразовъ. — Всѣ прекрасно понимаютъ, что онъ самозванецъ. Дни Димитрія сочтены; въ виду этого бояре желали бы предложить корону польскому королевичу Владиславу. Сапега былъ пораженъ этимъ заявленіемъ. Онъ передалъ разговоръ съ Безобразовымъ королю. Но тотъ не далъ опредѣленнаго отвѣта. Скоро Безобразовъ уѣхалъ, не выяснивъ окончательно отношенія къ своему предложенію польскихъ высшихъ сферъ. Между тѣмъ, работа заговорщиковъ въ Москвѣ шла въ высшей степени успѣшно. Оставалось только подать сигналъ къ бунту. 24 мая среди поляковъ разнесся слухъ, что готовится избіеніе поляковъ. — Сначала они перетрусили, но успокоенные властью, стали продолжать прежній образъ жизни, не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности. 26-го числа опять заговорили о готовящихся волненіяхъ, на этотъ разъ слухи были еще опредѣленнѣе и

тревожи́те. Поляки выбрали нѣсколько уполномо-
ченныхъ, которые отправились къ представите-
лямъ правительства, чтобы выяснить положеніе.
Тамъ имъ отвѣтили:

— Нѣтъ никакихъ причинъ безпокоиться.
Царь пользуется такой любовью въ Москвѣ, что
недавно еще нѣсколько человѣкъ, заподозрѣн-
ныхъ въ измѣнѣ, были разстерзаны народомъ.

Такова была освѣдомленность официальныхъ
лицъ. Воевода Сандомирскій, однако, не удовле-
творился такимъ отвѣтомъ. Онъ пошелъ къ
своему зятю и рассказалъ о ходящихъ по Мо-
сквѣ слухахъ. Онъ совѣтовалъ принять мѣры
предосторожности.

— Такія мѣры никогда не бываютъ вредны.

— Ради Бога не говорите мнѣ объ этомъ, —
съ досадой перебилъ Мнишка Димитрій, — я знаю,
гдѣ я царствую; у меня нѣтъ враговъ; я вла-
дычествую надъ жизнью и смертью!.. Мнишекъ
ушелъ отъ царя недоумѣвающей. Скоро Димит-
рій получилъ отъ одного нѣмца записку, кото-
рый предупреждалъ, что избіеніе начнется зав-
тра. Однако, и на эту записку Димитрій не об-
ратилъ никакого вниманія, такъ онъ былъ
увѣренъ въ прочности своего трона. Наступило
26 мая. День прошелъ спокойно, надвинулась
теплая майская ночь. Погасли въ Москвѣ огни,
и утомленный за день обыватель легъ спать.
Была мертвая тишина, только кое-гдѣ перекли-
кались часовые. Димитрій посмотрѣлъ на уснув-
шую Москву, самодовольно улыбнулся, вспом-

нивъ опасенія Мнишка, и пошелъ спать. Но не вездѣ спали въ Москвѣ и не вездѣ была тишина. Не спали въ домѣ Шуйскихъ, сдѣсь собирались заговорщики, не спали у Голицына и другихъ бояръ, тамъ кипѣла дѣятельность. Входили и уходили какіе-то люди, говорили тихо и тайнственно. Скоро прошли въ тишинѣ ночи военные отряды, побрякивая оружіемъ: это Шуйскій отдалъ приказъ занять ворота Кремля. Еще наканунѣ Шуйскій ввелъ въ Москву нѣсколько отрядовъ солдатъ, стоявшихъ внѣ Москвы. Когда все было готово, заговорщики двинулись къ Красной площади. Ударили въ набатъ. Мѣдные звуки прорѣзали тишину и наполнили всю Москву своимъ звономъ. Было что-то тревожное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и притягивающее къ себѣ въ этихъ звукахъ. Тамъ и тутъ зажглись огни, забѣгали люди, стало шумно, всѣ устремились на Красную площадь.

При первыхъ звукахъ набата Димитрій проснулся. Онъ вскочилъ и быстро пошелъ къ стражѣ, сердце его тревожно забилося.

— Почему быютъ сполохъ?—спросилъ онъ смѣнявшаго въ это время караулъ Андрея Бона.

— Это пожаръ въ Москвѣ,—отвѣтилъ тотъ, наученный заговорщиками.

— Распорядись, чтобы приняли мѣры къ тушенію пожара!—приказалъ Димитрій и пошелъ къ себѣ въ опочивальню. Онъ успокоился, но унылые звуки набата не давали ему спать. Было уже свѣтло, изъ оконъ тянуло

прохладнымъ вѣтеркомъ. Иногда съ вѣтромъ доносились какіе-то неясные крики. Но Димитрій думалъ, что кричатъ на пожарѣ. Скоро онъ забылся... Къ этому времени громадная толпа народа собралась на Красной площади. Посрединѣ появился Василій Шуйскій. Онъ сбросилъ съ себя личину и сталъ дѣйствовать открыто.

— Православные, — говорилъ онъ — нами править самозванецъ. Я самъ былъ въ Угличѣ и видѣлъ мертваго царевича. А этогъ ставленникъ поляковъ. Онъ оскверняетъ наши храмы, отдаетъ нашихъ женъ и дочерей на поруганіе басурманамъ. Развѣ вы не видите, что въ Москвѣ хозяйничаютъ поляки.

— Правильно говорить, — слышалось въ толпѣ, — житья намъ нѣтъ отъ поляковъ.

— Довольно, мы терпѣли, — продолжалъ Шуйскій, — пора русскимъ людямъ освободиться отъ басурманскаго ига!

— Въ кремль, въ кремль! слышалось въ толпѣ.

— Смерть самозванцу, — кричали сторонники Шуйскаго.

Шуйскій бросился впередъ и увлекъ за собой толпу. Димитрій спалъ чутко. Отъ шума приближающихся людей онъ проснулся. Смутная тревога охватила его, онъ бросился къ окну и сталъ прислушиваться. Толпа приближалась. Во дворцѣ въ смятеніи забѣгали люди. Черезъ минуту толпа была у дворца. Онъ видѣлъ, какъ мужественный и храбрый Басмановъ загородилъ дорогу заговорщикамъ. Блеснули сабли

и кинжалы, и Басмановъ палъ мертвый.

Нужно было спастись, слышался уже топотъ ногъ вбѣгавшихъ во дворецъ людей. Въ этотъ моментъ Димитрій забылъ обо всемъ: забылъ о Маринѣ, о царской коронѣ. Страстное желаніе жить, охватило его.

Только бы остаться живымъ! сверлило въ его мозгу.

Бросился бѣжать по коридору. Но было уже поздно, заговорщики ворвались во дворецъ. Передъ нимъ открытое окно. Димитрій вкакиваетъ на него. Высоко, но выбора нѣтъ! Онъ прыгаетъ и падаетъ отъ боли.

— Бѣжать, скорѣе бѣжать! проносится въ головѣ, но сломанная нога не повинуется. На лежавшаго Димитрія бросились заговорщики, его схватили и потащили во дворецъ. Дорогой онъ пришелъ въ себя. Онъ умолялъ стрѣльцовъ и народъ спасти его и не отдавать Шуйскому.

— Вы клялись мнѣ въ вѣрности, вы не можете нарушить клятву,—кричалъ онъ народу.

Но его не слушали, быстро подбѣжали заговорщики и окружили его.

— Ты самъ измѣнникъ,—отвѣчали въ толпѣ,—продался полякамъ!

— Проклятый Гришка Отрепьевъ!—кричали Шуйскіе.

Валуевъ въ упоръ выстрѣлилъ въ Димитрія. Озвѣрѣвшая толпа бросилась на трупъ царя и съ гиканьемъ и свистомъ потащила его за ноги по улицамъ Москвы.

— Къ Вознесенскому монастырю! Пусть царица Марѳа скажетъ намъ, признаетъ ли она въ немъ Димитрія.

Блѣдная и трясущаяся вышла Марѳа къ толпѣ. Взглянула на трупъ Димитрія и вздрогнула: было страшно смотрѣть на это истерзанное, обезображенное тѣло. Одежды на немъ почти не было, во многихъ мѣстахъ кожа содрана, все тѣло въ крови и грязи.

— Вамъ лучше знать,—отвѣтила Марѳа уклончиво на вопросы толпы, стараясь не глядѣть на трупъ. Толпа этимъ не удовлетворилась. Она потребовала отъ царицы категорическаго отвѣта.

Марѳа повиновалась. Глядя на убитаго Димитрія, она отвѣтила.

— Нѣтъ, этотъ человѣкъ, не мой сынъ!

Заговорщики ликовали, теперь для всякаго должно быть ясно, что царь—самозванецъ. Правда, Марѳа не такъ давно говорила обратное, по объ этомъ забыли.

Трупъ Димитрія поволокли на Лобное мѣсто, сорвали съ него остатки одежды, на лицо надѣли дурацкую маску и бросили на площади. У ногъ положили тѣло Басманова.

Цѣлыхъ три дня озвѣрѣвшая толпа устраивала надъ трупами дикія оргіи. И только, когда уже наскучило издѣваться надъ убитыми, ихъ похоронили за городомъ, въ церковной оградѣ.

Но всякое мученичество привлекаетъ къ себѣ симпатіи, вызываетъ жалость и страданіе. Трагическая судьба Димитрія невольно привлекала къ себѣ вниманіе. И когда прошло нѣсколько дней и Москва успокоилась, то многіе невольно ужаснулись того, что они сдѣлали: имя Димитрія начинало окутываться ореоломъ мученичества, женщины вздыхали надъ его могилой. Тогда Шуйскій и его сторонники рѣшили навсегда покончить съ Димитріемъ. Трупъ былъ вырытъ изъ могилы. Въ позорной колесницѣ его повезли по всей Москвѣ, потомъ сожгли за городомъ на кострѣ. Но и пепелъ внушалъ страхъ заговорщикамъ: его собрали, смѣшали съ порохомъ, и выстрѣлили имъ изъ пушки.

— Теперь проклятый самозванецъ не воскреснетъ и въ день страшнаго суда!—говорили враги Димитрія. Такъ кончилось эфемерное царствованіе самозванца.

Въ то время, когда встревоженный криками толпы Димитрій вскочилъ съ постели, проснулась и Марина. Она ничего не понимала. Димитрій крикнулъ ей:

— „Измѣна, спасайся!“ и самъ бросился бѣжать. Тогда она поняла близость опасности. Неодѣтая, въ чемъ была, она побѣжала въ комнаты польскихъ женщинъ, жившихъ при дворцѣ. Тѣ уже проснулись, и съ глубокимъ волненіемъ прислушивались къ тому, что дѣлается на площади.

— Спасите меня,—говорила Марина,—не выдавайте!

Скоро послышался топотъ бѣгущихъ людей, это бѣжали заговорщики, они искали Марину.

На порогъ ихъ встрѣтилъ вѣрный слуга Дмитрія, Осмо́льскій.

— Вы войдете сюда только черезъ мой трупъ!—крикнулъ онъ прибѣжавшимъ и сталъ храбро защищаться.

Черезъ нѣсколько минутъ, однако, онъ палъ мертвымъ.

Заговорщики потребовали, чтобы имъ выдали Марину, но женщины рѣшительно отказались это сдѣлать, заявивъ, что Марины среди нихъ нѣтъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончились переговоры, если бы на выручку не пришли бояре. Они взяли Марину подъ свою защиту. Подъ охраной бояръ ее отвели въ безопасное мѣсто.

Въ городѣ въ это время избивали поляковъ. Успокоенные Димитріемъ, поляки не приготовились къ сопротивленію. Жили они въ разныхъ мѣстахъ города отдѣльными группами, поэтому событія застали ихъ врасплохъ. За поляками устроили настоящую охоту. Тѣхъ, которыхъ ловили на улицахъ, избивали палками, камнями. Въ дома, гдѣ жили поляки, врывались, уничтожали тамъ все, что попадалось подъ руку. Всего за этотъ день было перебито болѣе пятисотъ поляковъ.

Особенно опасно было положеніе іезуитовъ. О. Савицкій былъ одинъ въ домѣ, когда начались беспорядки. Народъ окружилъ домъ, въ которомъ жили капелланы, и требовалъ, чтобы Савицкій вышелъ добровольно. Понимая, что сопротивление бесполезно, капелланъ скрылся въ сосѣдній домъ, гдѣ жили литовскіе купцы. Народъ потребовалъ у купцовъ, чтобы они выдали іезуита. Пришлось откупиться. Купцами были розданы бунтовщикамъ деньги, и тѣ оставили Савицкаго въ покоѣ. По требованію польскаго посла Гонсѣвскаго, бояре къ вечеру прислали Савицкому стражу, которая и отвела его въ посольскій домъ.

Впрочемъ, бояре скоро водворили въ Москвѣ порядокъ. Къ вечеру появились вооруженные отряды, которые разгоняли бунтовавшія толпы народа, и на другой день было уже все спокойно.

29-го мая, царемъ былъ избранъ Василій Шуйскій. Правда, не по волѣ народа сѣлъ онъ на престолъ: онъ былъ ставленникомъ кучки бояръ; но все же это было осуществленіе его давнишней мечты. При вступленіи онъ обѣщалъ ничего не дѣлать безъ согласія бояръ.

Прежде всего, онъ занялся ликвидаціей самозванщины.

Были оглашены всѣ документы, которые могли изобличить Дмитрія въ самозванствѣ, въ особенности, его письма, указывавшія на сношенія Дмитрія съ католиками. Но этого ка-

залось мало. Шуйскій рѣшилъ прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ. Настоящій Димитрій былъ погребенъ въ храмъ Преображенія, въ Угличѣ. Шуйскій рѣшилъ вырыть прахъ младенца и привезти его въ Москву, тогда ни у кого не останется сомнѣнья, что убитый въ Москвѣ Димитрій былъ самозванецъ. Прежде всего, для того, чтобы представить погибшаго Димитрія въ ореолъ мученичества, Шуйскій объявилъ вопреки собственному же слѣдствію, что Димитрій не погибъ во время припадка, а былъ убитъ посланными Борисомъ Годуновымъ убійцами.

Въ Угличѣ отправилась депутація въ лицѣ Филарета Романова, съ двумя братьями Нагими. Въ этому времени Нагіе поспѣшили уже отречься отъ Димитрія и перейти на сторону Шуйскаго. Трупъ младенца былъ вырытъ, и, оказалось, что тѣло царевича сохранилось, по словамъ комиссій, нетлѣннымъ: очо было, какъ у живого. Даже одежда царевича не пострадала. Въ рукѣ младенца оказались зажатые орѣшки. При вскрытіи гроба, воздухъ наполнился благоуханіемъ. Скоро надъ трупомъ младенца стали твориться чудеса.

Рѣшено было перевести прахъ царевича въ Москву. 13-го іюня, московскіе колокола съ утра возвѣстили о прибытіи останковъ Димитрія. Народъ довольно равнодушно отнесся къ организованному Шуйскимъ торжеству: слишкомъ уже часто злоупотребляли именемъ

царевича, а потому, въ Москвѣ относились къ празднеству съ недоувѣріемъ. Зато официальные власти приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы придать празднеству наиболѣе торжественный характеръ. Тѣло Димитрія было перенесено въ Архангельскій соборъ, въ царскую усыпальницу. Звонили во всѣ колокола. Тотчасъ, конечно, возобновились и чудеса. Димитрій былъ признанъ святымъ. Въ честь его былъ установленъ праздникъ. Но и это не произвело впечатлѣнія на народъ: слишкомъ ужъ было много чудесъ, достовѣрность ихъ вызывала подозрѣнія. Народъ не любилъ Шуйскаго, онъ хорошо понималъ, что новый царь—ставленникъ бояръ и будетъ служить имъ въ ущербъ интересамъ народа. Поэтому, тотчасъ послѣ его воцаренія начались въ разныхъ мѣстахъ беспорядки. Самъ царь сознавалъ, что не пользуется любовью народа, чувствовалъ непрочность своего положенія и хватался за все, что хоть сколько нибудь могло упрочить его тронъ. Такъ, въ Москву былъ вызванъ бывшій патриархъ Іовъ. Старецъ недоумѣвалъ, зачѣмъ потревожили его старыя кости? Но въ Москвѣ ему разъяснили. Когда Іовъ вошелъ въ Успенскій соборъ, то тамъ его встрѣтила толпа народа. Здѣсь же былъ и новый патриархъ Гермогенъ. Протодіаконъ взошелъ на амвонъ и громко, чтобы всѣ слышали, прочиталъ челобитную московскихъ людей. Въ этой челобитной московскіе люди заявляли, что ихъ замучила совѣсть: они да-

вали присягу Борису Годунову и измѣнили ему, присягали Лжедимитрію и тоже измѣнили. Теперь они присягнули Шуйскому. Но первыя клятвы съ нихъ не сняты, и это ихъ смущаетъ. Къ крестному цѣлованію приводилъ ихъ Іовъ, пусть же онъ и освободить ихъ, а съ ними вмѣстѣ и весь русскій народъ отъ клятвы Годунову и Лжедимитрію, дабы они со спокойной совѣстью могли служить Шуйскому. Престарѣлый Іовъ, конечно, удовлетворилъ ихъ желаніе. Онъ былъ блѣденъ, и дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ, что освобождаетъ отъ клятвъ данныхъ Годунову и Лжедимитрію, призываетъ ихъ къ мирной жизни подъ державной рукою новаго царя, которому они должны служить вѣрой и правдой.

Но напрасно рассчитывалъ Шуйскій на Іова: авторитетъ бывшаго патріарха настолько палъ, что его призывы не нашли никакого отклика въ народѣ.

Ликвидируя наслѣдство Лжедимитрія, Шуйскій долженъ былъ заняться поляками, въ особенности, судьбою Марины. Несмотря на избіеніе, поляковъ въ Москвѣ было еще много. Избавиться отъ нихъ было, въ сущности, легко: предложить имъ всѣмъ спокойно уѣхать на родину, и они немедленно бы покинули Москву, тѣмъ болѣе, что они сами этого страстно желали. Иначе на дѣло взглянули московскіе политики. Имъ казалось опаснымъ оглустить въ Польшу въ данный моментъ свидѣтелей русской

смуты. А потому рѣшили ихъ задержать. Но это рѣшеніе не такъ было легко привести въ исполненіе. Простые польскіе солдаты безропотно подчинились своей участи: они понимали, что протестовать бесполезно, и примирились со своею судьбой. Иначе обстояло дѣло съ послами. Объявить ихъ заложниками, было опасно, ибо это значило нанести Польшѣ тяжелое оскорбленіе, и могло вызвать серьезныя осложненія. Тогда прибѣгли къ хитрости. Когда послы заявили о своемъ желаніи отбыть на родину, то ихъ пригласили на собраніе во дворецъ. Здѣсь Мстиславскій и Нагіе выступили съ обвиненіями противъ поляковъ. Они утверждали, что поляки поддерживали самозванца и посадили его на московскій престолъ. Посламъ не трудно было, конечно, доказать, что въ этомъ еще въ большей степени повинны сами бояре, которые призвали самозванца на царство. Но видя бесплодность спора, они категорически заявили, что желаютъ возвратиться въ Польшу.

— О вашемъ желаніи будетъ доложено царю!—отвѣтили имъ.

Долго пришлось ждать царскаго отвѣта, и когда онъ пришелъ, то поляки поняли, что они оставлены заложниками. Имъ сказали, что въ Польшу отправляется посольство для выясненія различныхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ Лжедимитріемъ и, пока это посольство не возвратится, посольскіе послы должны остаться въ Москвѣ. Страшно были потря-

сены поляки этимъ извѣстіемъ. Но пришлось подчиниться.

Еще болѣе печально было положеніе Марины. Послѣ богатства и роскоши, которыми ее окружилъ Димитрій, ей пришлось испытать униженія и бѣдность. У ней отобрали не только подарки Лжедимитрія, но и то, что она привезла съ собой изъ Польши. Только послѣ усиленныхъ просьбъ ей позволили взять нѣсколько рубашекъ. Марина настояла, чтобы ей разрѣшили жить съ отцомъ. Нерадостна была встрѣча Мнишка съ дочерью. Онъ самъ былъ раззоренъ. Во время безпорядковъ у него растащили все: пропали лошади, драгоцѣнныя вещи, погреба, гдѣ хранились тонкія вина, оказались разбитыми. Поселили Марину съ отцомъ, въ домъ опальнаго Власьева, который, послѣ трагической смерти Лжедимитрія, былъ сосланъ. Такъ жили они въ тоскѣ, среди постоянного безпокойства за свою жизнь.

Въ концѣ августа вышелъ приказъ: воеводу Мнишекъ и дочь его Марину отправить въ ссылку въ Ярославль.

Съ глубокой печалью покидала Марина Москву. Сколько было надеждъ, какія широкія перспективы открывались передъ гордой полячкой! И вдругъ, въ одинъ день все разрушено... Вчерашняя повелительница, сегодня безсильная, ѣдетъ въ какой то далекій, чуждый ей Ярославль... Она не могла, не хотѣла съ этимъ мириться. Ея натура жаждала дѣятельности, сла-

вы. И она смѣло кинулась въ водоворотъ движенія, лишь только представился къ этому случаю...

Мы рассказали читателю о трагической судьбѣ самозванца. Неожиданно вынырнулъ онъ, поднятый волной начавшагося народнаго движенія, и также быстро погибъ въ его пучинахъ.

Кто онъ, этотъ авантюристъ? Молва назвала его бѣглымъ монахомъ Гришкой Отрепьевымъ. Вѣроятно это такъ. Но кто бы онъ ни былъ, на трагической судьбѣ этого героя нашей смуты остановится всякій въ тяжеломъ раздумьи...

VII.

Напрасно въ Москвѣ разстрѣливали изъ пушки прахъ Лжедмитрія: это не спасло Шуйскаго отъ новаго самозванца.

Въ то время, какъ въ Москвѣ проклинали Гришку Отрепьева, дерзновенно рѣшившагося назвать себя именемъ Дмитрія, появился новый самозванецъ. Появился какъ-то неожиданно и странно. Молва говоритъ, что онъ былъ секретарь Лжедмитрія. Скрывшись послѣ смерти Дмитрія изъ Москвы, онъ пріютился въ Могилевѣ, у одного священника. Здѣсь съ нимъ произошло довольно непріятное приключеніе. Онъ соблазнилъ жену своего благодѣтеля. Оскорбленный священникъ отстегалъ соблазнителя кнутомъ, а потомъ выгналъ изъ дому. Безъ куска хлѣба, нищимъ добрался несчастный секретарь Лжедмитрія до Стародуба. Здѣсь онъ объявилъ себя царевичемъ Димит-

ріємъ. Хотя онъ не отличался талантами, но его охотно признали за московскаго царя.

Послѣ нѣсколькихъ неудачъ, новому Лжедимитрію удалось дойти до Тушина, находившагося верстахъ въ двѣнадцать отъ Москвы. Здѣсь онъ укрѣпился и рѣшилъ выжидать теченія событій. Отъ своей новой резиденціи онъ и получилъ именованіе „Тушинскаго вора“.

Василій Шуйскій былъ сильно смущенъ появленіемъ Лжедимитрія. Онъ чувствовалъ, что не пользуется довѣріемъ и боялся за прочность престола. Чтобы какъ нибудь укрѣпить свой колеблющійся тронъ, онъ рѣшилъ вступить въ соглашеніе съ поляками. По договору, заключенному между сторонами, Шуйскій обязывался отпустить въ Польшу всѣхъ задержанныхъ имъ поляковъ.

Получилъ возможность возвратиться на родину и Мнишекъ съ дочерью. Но судьба имъ готовила иное.

По полученіи разрѣшенія всѣ поляке, въ этомъ числѣ и Мнишекъ съ Мариной, подъ охраной пятисотъ всадниковъ, тронулись въ путь. Охрана была не бесполезна: кругомъ бродили шайки Тушинскаго вора и можно было ждать нападеній. Двигаться вчередъ приходилось съ большими предосторожностями: того и гляди попадешь въ засаду. Въ одномъ мѣстѣ положеніе было на столько опасно, что часть поляковъ рѣшила вернуться обратно и отпавить-ся въ обходъ.

Противъ этого возсталъ Мнишекъ, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало ѣхать впередъ. Большинство поляковъ вернулось, а Мнишекъ съ Мариной тронулся дальше.

Тушинскій воръ давно слѣдилъ за движеніями Мнишекъ. Онъ рѣшилъ завладѣть Мариной. Ему казалось, что не трудно будетъ добиться отъ нея, чтобы она признала его Димитріемъ и тогда авторитетъ его въ глазахъ народа сильно возрастетъ.

Лишь только Мнишекъ тронулся дальше, какъ попалъ въ засаду: сильный отрядъ конницы неожиданно напалъ на сопровождавшую Мнишка стражу и безъ труда обратилъ ее въ бѣгство. Мнишекъ и Марина остались въ рукахъ нападавшихъ, которые препроводили ихъ сначала къ Сапегѣ, а тотъ къ Тушинскому вору. Не извѣстно, сдѣлано ли все это было съ вѣдома Мнишка, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ, поведеніе сандомирскаго воеводы въ этомъ дѣлѣ было въ высшей степени подозрительно.

Не выяснена и роль Марины. По словамъ гетмана Сапеги, который присутствовалъ при свиданьи Марины съ Тушинскимъ воромъ, Марина была потрясена всѣмъ случившимся. Она съ глубокимъ отвращеніемъ отклоняла домогательства Лжедимитрія, и когда онъ слишкомъ сталъ настойчивъ, она схватила ножъ и со словами:
— Лучше смерть! хотѣла заколотъ себя.

Однако, другіе источники рисуютъ поведеніе Марины иначе. Они утверждаютъ, что Марина

сама организовала свое похищеніе, заранѣе войдя относительно этого въ соглашеніе съ Тушинскимъ воромъ.

Но какъ бы то ни было, ей пришлось быть женою второго Лжедмитрія и раздѣлить съ нимъ его судьбу. И страстная полячка бросилась въ самую гущу борьбы. Теперь бы никто не узналъ въ ней ту скромную дѣвушку, которая когда-то смиренно слушала своихъ духовныхъ руководителей въ Сомборнѣ.

Скоро въ Москвѣ произошли событія, которыя открыли передъ самозванцемъ широкія перспективы: Василій Шуйскій былъ низложенъ съ престола. Это случилось послѣ пораженія русскихъ войскъ при Клушинѣ. 4-го іюля 1610 г. гетманъ Жолкѣвскій неожиданно подошелъ къ русской арміи; была ночь и русскіе безпечно спали. Лишь только забрезжилъ разсвѣтъ, какъ поляки напали на русскихъ. Тѣ обратились въ бѣгство. Жолкѣвскому досталась богатая добыча.

Пораженіе русской арміи было толчкомъ къ низложенію Шуйскаго. Бояре созвали народъ на площадь и требовали низложенія царя. Шуйскій не противился, онъ самъ отдалъ знаки царскаго достоинства и, просилъ только, чтобы его оставили въ покоѣ.

Бояре, однако, потребовали, чтобы Шуйскій постригся въ монахи. Шуйскій рѣзко протестовалъ противъ этого и отказался. Тогда его постригли насильно. Рассказываютъ, что когда монахъ совершалъ надъ бывшимъ царемъ обрядъ

постриженія, какой-то мирянинъ за Шуйскаго произносилъ тѣ страшныя обѣты, которые требовались отъ монаха: самъ Шуйскій упорно отказывался принимать какое либо участіе въ своемъ постриженіи.

Передъ Лжедмитріемъ, казалось бы, открывалась широкая дорога. Но Тушинскій воръ былъ слишкомъ ничтожною личностью, чтобы могъ играть въ событіяхъ какую-либо роль. Будучи круглымъ невѣждой и пьяницей, онъ, въ то же время, былъ и страшный трусъ.

Съ нимъ никто не считался и относились къ нему съ презрѣніемъ. Въ особенности, шаткость его положенія почувствовалась съ вторженіемъ въ русскі владѣнія польскаго короля Сигизмунда. Тушинскій воръ понялъ свое безсиліе и испугался создавшагося положенія. Быть около Москвы ему оказалось опаснымъ. 6-го января 1610 г. онъ бросивъ лагерь, не сказавши даже Маринѣ, тихонько бѣжитъ въ Калугу. Страшнымъ ударомъ было для Марины бѣгство Лжедмитрія. Она осталась одна среди чужихъ людей безъ всякой защиты. Куда бѣжать, гдѣ искать помощи?

Въ эту тяжелую минуту своей жизни она рѣшилась обратиться за помощью къ польскому королю. Однако, какъ ни было тяжело ея положеніе, она не забываетъ, что она московская царица, и съ грустью пишетъ въ письмѣ: „я все потеряла, не рушимы лишь справедливость моего дѣла и права мои на московскій престолъ. Залогомъ ихъ является мое вѣнчаніе на царство.

Ихъ же получила я и по наслѣдству; наконецъ, двукратно они освящены присягою“. Впрочемъ, на будущее она не возлагаетъ особыхъ надеждъ. Она хотѣла бы только, чтобы ее и ея семью вознаградили за тѣ испытанія, которыя она понесла. Отвѣта она не получила.

Обращаясь къ королю, она въ то же время не разставалась и со своими планами. Необходимо было соединиться съ Тушинскимъ вѣроломъ, ободрить его и начать борьбу. Но изъ лагеря, брошеннаго Лжедимитріемъ, трудно было выбраться: за Мариной слѣдили и не хотѣли отпустить ее. 2-го марта, поздно ночью, Марина надѣла на себя военную форму и бѣжала изъ лагеря. Прежде всего она явилась къ Сапегѣ, который былъ вѣренъ Тушинскому вѣролому. Съ его разрѣшенія, не раздѣваясь, въ военной формѣ, она вышла передъ войскомъ и обратилась къ нему съ рѣчью. Необыкновенный видъ Марины, страстность ея рѣчи—все это произвело сильное впечатлѣніе на солдатъ. Нѣкоторые изъ нихъ заявили желаніе отправиться съ ней и идти туда, куда она поведетъ. Марина набрала здѣсь себѣ небольшой отрядъ и явилась въ Калугу.

Въ Калугѣ она нашла Лжедимитрія подавленнымъ, растеряннымъ. Онъ начиналъ понимать, что въ сущности имъ пользуются только, какъ средствомъ для наживы и грабежей: и что никогда ему не видать московскаго престола. Онъ начиналъ самъ страшиться создавшагося по-

ложенія.

Пріѣхавшая Марина вернула ему бодрость и энергію. Лжедимитрій легко поддавался чужимъ вліяніямъ и быстро переходилъ отъ отчаянія къ самымъ несбыточнымъ надеждамъ. Онъ справился настолько, что даже отправился въ походъ на Москву. Ожидая подкрѣпленій, онъ остановился лагеремъ въ с Коломенскомъ, вблизи отъ Москвы. Но храбрости его хватило не на долго. Скоро ему донесли, что бояре въ Москвѣ вошли въ соглашеніе съ предводителемъ одного изъ польскихъ отрядовъ Жолкѣвскимъ, который и обязался прогнать Тушинскаго вора отъ Москвы. Лжедимитрій испугался предстоявшей встрѣчи и поспѣшно отступилъ въ свою Калугу.

Начались опять томительные дни ожиданій. Лжедимитрій пьянствовалъ и не зналъ, что предпринять.

Въ это время онъ получилъ два извѣстія, которыя его сильно обрадовали и вернули ему энергію. Ему сообщили, что нѣсколько, правда, незначительныхъ крѣпостей признали Лжедимитрія и выразили ему покорность. Кромѣ того, въ Калугу вернулся Петръ Урусовъ съ отрядомъ и рассказалъ, что по пути разбилъ нѣсколько польскихъ отрядовъ. Рѣшено было эти радостныя событія богато отпраздновать. Въ окрестностяхъ Калуги была назначена охота. Рано утромъ Лжедимитрій съ небольшимъ отрядомъ русскихъ выѣхалъ изъ Калуги. По дорогѣ къ нему присоединились еще три сотни татаръ, подѣ

командой Урусова. Тушинскій воръ ѣхалъ веселый и радостный. Въ головѣ его опять роились тысячи плановъ. Одного онъ только не подозревалъ: онъ не зналъ, что не только дни, но и часы его жизни уже сочтены.

Петръ Урусовъ только прикидывался вѣрнымъ самозванцу, но въ глубинѣ души онъ таилъ противъ него глубокую злобу. Нѣсколько времени тому назадъ, Лжедмитрій въ порывѣ раздраженія приказалъ посадить Урусова въ тюрьму. Урусовъ протестовалъ, но его схватили и потащили. Въ тюрьмѣ онъ поклялся отомстить за обиду. Правда, Петръ Урусовъ скоро былъ не только выпущенъ изъ тюрьмы, но и получилъ высшее назначеніе. Мстительный татаринъ, однако, не позабылъ нанесеннаго оскорбленія.

Теперь представился удобный случай для расправы. Во время охоты былъ сдѣланъ привалъ. Всѣ были довольны и усердно пили. Во время разгара пирушки, когда спутники Лжедмитрія уже достаточно подвыпили, Петръ Урусовъ далъ своимъ условный знакъ. Татары бросились на Лжедмитрія и искрошили его саблями. Не успѣла его стража опомниться отъ неожиданности, какъ татары уже ускакали.

Сторонники Тушинскаго вора пришли въ страшную ярость при извѣстіи о его смерти. Они бросились на ни въ чемъ неповинныхъ татаръ, находившихся въ городѣ, и многихъ изъ нихъ перебили. Хотѣли такъ же расправиться и съ поляками, но лица, сгруппировавшіяся во-

кругъ Марины, удержали ихъ.

Тяжелые дни настали для Марины. Съ смертью Лжедмитрія рухнули послѣднія надежды. Что дѣлать, куда итти?.. Марину охватило отчаяніе. Она готова была наложить на себя руки. Единственнымъ утѣшеніемъ для нея было то, что у ней родился сынъ. Онъ былъ крещенъ подъ именемъ Ивана и отданъ на попеченіе русской свиты. Рожденіе сына подавало еще надежду, что онъ будетъ рано или поздно призванъ на московскій престолъ. Окружающіе, дѣйствительно, присягнули Ивану Димитріевичу и провозгласили его московскимъ царемъ.

Но скоро стало очевиднымъ, что дѣло Марины и ея сына проиграно. На московскій престолъ былъ возведенъ Михаилъ Романовъ. Съ его воцареніемъ долженъ былъ оставить свои планы завладѣть русскимъ престоломъ и король польскій Сигизмундъ и его сынъ Владиславъ. Новое правительство принялось энергично очищать Русь отъ разбойничьихъ шаекъ. Становилось яснымъ, что продолжать борьбу дальше безсмысленно.

Правда, Марина вошла въ соглашеніе съ атаманомъ Заруцкимъ, но союзъ съ этимъ головорѣзомъ не предвѣщалъ ничего хорошаго.

Московскіе войска разбили Заруцкаго. Онъ бѣжалъ въ Астрахань, захвативъ съ собою и Марину съ сыномъ. Здѣсь онъ началъ агитировать противъ молодого царя среди татаръ и черсовъ. Но и отсюда скоро пришлось бѣжать.

Марина съ сыномъ слѣдовали за нимъ, какъ заложники. Русскимъ войскамъ былъ отданъ приказъ: захватить бѣглецовъ живыми или мертвыми. Погонѣ не пришлось гнаться за ними долго: свои же выдали Заруцкаго.

Онъ былъ привезенъ въ Москву и публично казненъ: его посадили на колъ.

А Марина и ея злополучный сынъ? Судьба ихъ осталась не выясненной. Сослали ли ее въ монастырь, или погибла она насильственной смертью—исторія не даетъ намъ отвѣта. Среди монаховъ бернардинцевъ сохранилось преданіе, что Марина Мнишекъ была утоплена царскими посланцами въ рѣкѣ; съ нею погибла ея свита и духовникъ о. Антоній.

К О Н Е Ц Ъ .

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

